18+

ЕЛЕНА ПРУДИУС

СЕМЬЯ DE ARCHE

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ИЗНАНКА СЕМЬИ

Елена Прудиус

Семья de arche.
Архетипическая изнанка семьи

«Издательские решения»

Прудиус Е.

Семья de arche. Архетипическая изнанка семьи / Е. Прудиус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564917-1

Есть разные понимания того, что есть семья. Есть семья de jure и de facto. А есть семья de arche — с точки зрения архетипического, юнгианского подхода. В нашем древнем коллективном бессознательном издревле хранятся основные образы и сюжеты, образцы поведения. Поможет ли нам это знание жить более осмысленно и счастливо? В этой книге сделана еще одна попытка соединить древние знания с современной наукой и сегодняшней реальностью.

ISBN 978-5-00-564917-1

© Прудиус Е.
© Издательские решения

Содержание

Зеркало доктора Юнга 6
О глубинном психоанализе, лабиринте Минотавра и горячем сердце Данко 8
Начало 9
Снежная история 10
Вечный Зародыш и Великая Праматерия 11
Пара или квартет? 14
Он станет моим мужем 15
«Холостые» браки 18
Дети 19
Устами младенца 21
Старшие и младшие 22
Младшие дети и их аналоги 24
Единственный ребенок, эскиз к портрету 26
Тайна на двоих 27
Приемные дети 28
Опыт гибридизации 29
Листик и северное сияние 30
Как дети появляются среди нас 31
Беременность от волшебной палочки или История о том, как у одной девочки оказалось два папы, а у другой две мамы 31
Ева и Лилит 33
Сны о женщинах в красном 34
Бездетность после кровопролития 36
Бездетность, оперантно обусловленная 38
Война или Мир? Валькирия поневоле 39
Из Симферополя в Запорожье. Инфернальная блондинка Настя 46
Насильники и их Жертвы 47
Жены Шарикова 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Семья de arche
Архетипическая изнанка семьи

Елена Прудиус

© Елена Прудиус, 2023

ISBN 978-5-0056-4917-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю эту книгу моим бабушкам Ульяне Анисимовне и Клавдии Ивановне, которых уже нет на свете, дедушкам Константину Николаевичу и Григорию Ивановичу, которые ушли из жизни так рано, что мне не пришлось быть с ними лично знакомой, а также родителям Галине Григорьевне и Константину Константиновичу. Без вас не было бы моих детей и всей моей жизни.

> *В бесконечной Вселенной не существовало ничего неповторимого и нового. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений – все это уже не раз бывало на планете, оборачивающейся вокруг светила, Галактика которого девятикратно возрождалась заново каждые двести миллионов лет. В мире была радость.*
>
> *Радость придет вновь…*
>
> *(А. Бестер «Человек без лица»)*

Зеркало доктора Юнга

Нам всем известна семья de jure, есть так же семья de facto, а есть семья de arche, ее древние архетипические основы, снова и снова возрождающиеся. Человек происходит из семьи, из своего рода. Именно дома, в кругу семьи, Тильтиль и Митиль из сказки Метерлинка обрели синекрылую птицу счастья, которую искали по всему свету. Не станем утверждать, что это единственное стоящее счастье, просто однажды кому-то из нас становится ясно, что дороже своей семьи у него ничего нет. И вместе с тем, словно кем-то проклятые, мы то и дело ловим себя на том, что своими ссорами, раздорами, конфликтами, непониманием друг друга грызем корни нашего родового дерева, как мифический дракон Нидхёгг делал это с древом мира Иггдрасиль.

Когда-то К. Г. Юнг, следуя древним мудрецам, назвал древние основы человеческой жизни, базовые бессознательные образы, архетипами, матрицами всего многообразия ролей и сюжетов нашей пестрой жизни. Последуем же за ним с удивлением и радостью, обнаруживая, что человек есть микрокосм, и в его душевой жизни преломляется все богатство, многообразие и яркость мира. Семь «Я» это минимальный набор персонажей, квартирующий в душе.

Внимание, становимся перед зеркалом доктора Юнга. Смотрим же, кто в нем отражается. Да, вот он, Дом души, и кого там только нет! В углу отражается старая заслуженная и Мудрая Бабушка, сидящая в почетном мягком кресле с вечным вязанием на коленях. Можно подумать, что в ее ловких пальцах нить собственной жизни, и она ее обрежет, когда сама захочет. И, как знать, может, есть нити и других жизней под ее спицами. Что-то она вяжет пестрое, замысловатое – уж не для будущего ли бэби, которого ждет хозяйка? Вот красная ниточка отца, вот синяя – матушки, вот фиолетовая – ее, бабушкина, вот желтая – покойника-деда, а чья же оранжевая? А вот и хозяин дома, он Важная Персона и сплошь залеплен знаками отличия. На ковре расположилось со своими машинками Шаловливое Дитя, его все остальные члены семьи то и дело отсылают в детскую, кроме одной Милой Женщины (хозяйки), которая всегда рада ему. У нее и для других всегда наготове ласковое слово и чашка горячего чая, даже для Юного Шалопая, который есть позор всей семьи, вот он с видом побитой собаки, продрогший от резкого холодного ветра, несмело входит в дом. А она почти всегда на кухне, туда любят забегать при случае все без исключения члены семьи.

А кто это там шуршит в чулане, и почему заскрипела дверца старого-престарого, еще прабабушкиного шкафа, которому давно нет места в приличной части этого дома? Может, крысы? Ан нет! Это Рыжий лохматый субъект в пятнах сажи и с бубенчиками на дурацком двурогом колпаке, приживалка, дальний родственник, местный дурачок. Другие бы его давно в дом инвалидов поместили, но ведь они не могут так сделать – что ни говори, своя кровь. Он снова пытается выпустить из старого шкафа то, чего боится вся семья, Пра-пра-дедушкин Скелет, который время от времени проникает во сны то одного, то другого члена семьи, рядясь во всевозможные старые обветшавшие или, напротив, новомодные тряпки, так что порой и не узнать его. Он пугает их до отчаянных криков в ночи, но по старинному заклятию семья не может от него избавиться, например, просто выкинуть этот шкаф вместе с ним. Казалось бы, что может быть проще, чем зайти в чулан, взяться за шкаф с двух сторон и выволочь его на улицу. Но, шалишь! – тогда же все увидят и узнают, какой мерзкий скелет сидит в нем, как развратен оскал его голых челюстей, как непотребно гремят кости под пыльными лохмотьями, украшенными их фамильным гербом. Нет, господи, пусть лучше он остается сидеть там, где сидит. Глаза бы его не видели.

Это отступление перед зеркалом может нас далеко завести, а нам нужно вернуться к субъекту, который обзавелся собственной семьей или, в крайнем случае, из ее недр произошел. И что же тут оказывается – мы встречаемся в принципе с теми же персонажами, которые

населяют его внутренний дом, только они как бы распылены по реальным людям и почти (т. е. НИКОГДА) не встречаются в чистом виде. Иногда полученный букет просто восхитителен и подобен старому доброму, хорошо выдержанному вину или дорогому парфюму, а иногда от него так несет сивухой, что хочется пропустить этот коктейль через парочку угольных фильтров или разложить на исходные составляющие.

Да, есть такое предположение, что человек содержит в себе только то, что содержит его мир, и обе системы содержат один и тот же набор архетипов.

А, если существуют инопланетяне, могут ли их миры иметь совершенно другое устройство, с иными базовыми образами, другими сюжетами, разумными существами, у которых иные основные потребности? На попытку ответить на этот вопрос может уйти не одна обычная человеческая жизнь.

Чу, что за звуки из чулана? Ну, конечно, это Пра-пра-дедушкин Скелет клацнул челюстями. Похоже, он напомнил о том, что хорошо бы в своей бы семье сначала разобраться, прежде, чем заглядываться на иные миры. Прислушаемся к голосу пращура и попробуем узнать, какие процессы и сюжеты возможны в отдельно взятой семье, если взяться за нее с какого-нибудь колена Израилева. Только, увы, это не гладкая и белая, подобная теплому мрамору, девичья коленка, а изъеденный безжалостным временем сустав твоего Пра-пра. Бр-р-р.

И все же – заглянем в семью с точки зрения представления о семье как о микрокосме, миниатюре макрокосмоса, познакомимся с ее фигурами поближе. Рассмотрим их в зеркале доктора Юнга. Не исключено, что оно будет врать нам и потешаться над нами, потому что мудрого хозяина уже нет рядом с нами, а наши права на заглядывание в такие магические предметы могут быть очень легко оспорены.

И все равно мы должны делать эти попытки снова и снова, пока, может быть, не научимся чему-то новому. Безжалостно рассмотрим обитателей семьи (читаем, своего внутреннего мира). Начнем с себя, чтоб никому не обидно. Потому что жить в семье можно или совсем не думая на тему ее устройства и просто подчиняясь традициям или… Вот этим «или» займемся. Потому что от многих семейных коллизий жизнь невероятно осложняется, Скелет в шкафу громыхает при важных гостях, и они слегка, в пределах приличий, приподнимают свои брови, а Рыжий Дурень сует за шиворот Юному Шалопаю мышь именно тогда, когда тот собирается, наконец, остепениться и объясниться в любви самой лучшей в мире девушке. На предмет создания своей семьи. О, боги, как все это вынести?!

Вот тут мы, кажется, попали в точку. Жили-были боги, очень давно, а потом стали жить люди сами, без всяких богов, с демократией и свободой личности. Вот для них, собственно, эта книга, и будет она о том, куда эти боги подевались и что натворили в жизни людей, родства не помнящих. Юнг писал: *«Боги превратились в болезни, Зевс теперь правит не Олимпом, а солнечным сплетением и поставляет любопытные экземпляры для врачебных кабинетов»* . Это высказывание касалось области психопатологии, но в той же мере оно уместно по отношению к патологии семьи.

О глубинном психоанализе, лабиринте Минотавра и горячем сердце Данко

Исследование мира архетипов значит вертикальное погружение в мир бессознательной психики, и мы должны понимать, что аналитическая, глубинная психология – отнюдь не единственное значительное направление изучения личности и ее возможностей. И есть множество психологов не столь глубинного направления. Один из них, неоднократно приглашаемый на семинары по сказкотерапии, сначала неловко уклонялся, а потом сказал всю правду. Что ни он, ни любой из его здравомыслящих клиентов-мужиков не будут заниматься этим. Что все эти психоанализы сродни бразильскому нескончаемому сериалу. А мужику надо перспективу видеть и, мало того, ее созидать. А иначе просто некому будет этим заниматься.

И в этих словах было так много правды, что необходимо стало совместить ее с нашей подземной аналитикой. Глубинный анализ подобен исследованию подземелий – он полон неизвестности, потенциальных опасностей и возможности заблудиться в лабиринтах. То есть, если не соблюдать некоторых правил, можно вечно блуждать в потемках подземелья собственного бессознательного. Об этом предупреждали юнгианские аналитики, когда писали об интоксикации анализанда.

У Тезея, блуждающего в лабиринте Минотавра, была спасительная нить Ариадны, связь с реальным миром, и у нас она тоже должна быть. Иначе мы можем забыть, зачем пришли в лабиринт. Мы должны всегда иметь в виду цель анализа, ее связь с нашим «сегодня» и «завтра». Дж. Хиллман сформулировал постановку проблемы следующим образом: *«Узкое понимание нисходящего направления в глубинной психологии привело к сужению смысла: интровертной направленности на „бездну“ и „потайной уголок“ в человеческой личности (Августин). Как же в таком случае осуществляются связи с другими людьми, с горизонтальным миром?»*

С точки зрения мифологии речь идет о дихотомии двух типов мистерий – египетских (вообще средиземноморских – с психоделикой и обращенностью в бессознательное, назад, в генетику) и северных, нордических, сутью которых является героическое посвящение, осуществление миссии, взгляд вперед. Об этом писал Бернард Ливехуд в книге «Человек на пороге. (Биографические кризисы и возможности развития)». И одно другому вовсе не должно мешать, как не мешает Югу наличие Севера. Нить Ариадны возвращает нас из вертикального погружения к горизонтальным связям в мире людей.

Еще более глубокая метафора погружения в бессознательное и возвращения в мир была создана М. Горьким и воплощена в герое Данко, который вывел свой народ из чащи бесконечного, мрачного и беспросветного леса, вытащив из своей груди пылающее сердце; его свет помог людям добраться до края леса навстречу новой жизни. Данко добрался до сверкающей сердцевины Тьмы и был успешнее Тезея, который добрался лишь до чудовища, не обнаружив сокровищ Лабиринта и не соединившись со своей Анимой.

Кроме того, есть еще, как минимум, один важный аспект ситуации глубинного анализа. Как бы мы не старались узнать ВСЕ и обо ВСЕХ, их роли в нашей собственной судьбе, мы коснемся лишь краешка огромной тайны, и многих вещей, может быть, очень важных и судьбоносных, не сможем узнать никогда. И тогда нам придется сначала смирить свое возмущение несправедливостью судьбы, ревностно хранящей свои тайны, а потом принять решение, как нам жить дальше, почти ничего о себе не зная. Может быть, с самого начала?

Начало

Жила-была когда-то великая Первоматерия, та самая, из которой посредством ее священного брака с Духом (hieros gamos) все алхимики средневековья тщились получить философский чудодейственный камень, серый свинец обращающий в золото и исцеляющий болящих. Или нет: жило себе – поживало Великое Ничто, которое стало исторгать из себя Нечто. Да-да, из Хаоса стал зарождаться Космос, и одной из первых была Великая Праматерь Гея. И у нее, видите ли, не сложились супружеские отношения с Ураном. Поэтому она создала внутрисемейную коалицию со своими детьми. Против мужа. Потому что дети были для нее важнее всего. На то она и Праматерия.

А сейчас лучше рассказать реальную историю, иначе вы перестанете верить всему, что здесь написано.

Снежная история
(из дневниковых записей в Живом Журнале пользователя Squaira, #семья)

С позавчерашнего дня выпало ужасно много снега. Жителям многоэтажек хорошо – возле них трудятся бригады снегоуборочных дворников, а вот в частном секторе туговато – дома откапывать надо самим. К соседской бабушке на подмогу приехал внук. Он, как и положено взрослому молодому человеку, поплевал на ладони и ухватился за черенок снеговой лопаты. Работал на совесть – никто не мог бы сказать, что это не так. Ему осталось перекидать каких-нибудь пару кубов снежной массы, как появилась бабушка:

– Женечек, иди, сынок, перекури маленько, чайку попей!

– Бабушка, мне тут совсем мало осталось, приду потом.

И продолжает махать лопатой.

– Молодец внук, – говорю бабушке.

– Да ведь у него кости болят, нельзя ему много так работать, – жалостно запела бабушка.

– А что у него с костями? – не выдержала я.

– Да болят у него, как придет со своих бальных танцев, так и болят. Я ему спинку натираю и порошок из яичной скорлупы даю, с лимончиком.

Бабушка помолчала немного, а потом продолжила:

– И куда бы я девала эту скорлупу? А так ему даю.

И она засеменила к работящему внуку, что-то сказала ему и повела за собой – перекуривать. Он покорно пошел за ней – не в первой, да и какой дурак откажется от чайку с перекуром? Я бы тоже не отказалась, если бы меня кто пригласил, но надо дорогу откапывать.

Минут через пять появился внук – и снова за работу. «Молодец!» – в полном восторге думала я.

Тут с работы явился зять, я, конечно, к нему с запросом, как он насчет помочь теще. Ответил он кратко и однозначно: «Мама, а я тут с радикулитом еле хожу. Не могу сегодня».

Ну, ладно, бывает. Он в постели лежит с Радикулитом, и Витёк вчера валялся в сугробах с Капризами, пока мы с дочкой снег бросали. Тут я уже совсем злобно подумала, что если и мой Клаус вернется с работы с какой-нибудь Холерой, то я окончательно сделаюсь феминисткой или уйду в амазонки или еще куда-нибудь. Хотя Клаус запросто мог бы прийти с Холерой, ведь валялась же я пару дней назад с Гриппом. Но тогда еще не было снегопада. И мой доблестный Клаус не привел никакой Холеры, а стал мне помогать. И всю дорогу мы с ним расчистили, по встречному методу, до смычки, как строили когда-то Байкало-Амурскую магистраль. Только в одном месте очень толсто было, еле осилили – туда бабушкин внук нашвырял от своего забора, так ему ближе было. Все-таки сработала бабкина пропаганда, чтобы не перестарался, не дай бог.

Однако сколько паразитов мы можем возле себя развести своей неумеренной заботой о детях и мужчинах, носимся с ними, как курица с яйцом. А потом уходим в феминистки. Или в амазонки.

Вечный Зародыш и Великая Праматерия

В порядке комментария к истории сначала скажем о том, что в каждой семье (или очень многих семьях) есть свой культ – кроме того официального вероисповедания, которого придерживаются члены семьи. Это некий духовный центр жизни семьи, средоточие глубинной потребности другого ее члена, назовем его Серым кардиналом, который является верховным жрецом семейного божества. Суть семейного культа может выражаться разными словами, например, «тише, папа работает», или «тихо, мама болеет», или «т-с-с-с, Коля играет на виолончели», (или просто спит).

Эти слова могут произноситься шепотом и непременно очень многозначительно, при этом действуют они так сильно, как, если бы звучали громовым раскатом. Потому что нарушить процесс священнодействия нельзя ни в коем случае. Содержание культа связано с основными ценностями семьи, главным принципом существования. Благодаря папе мы благополучно и счастливо живем. Мама так страдает – это достойно всяческого уважения и стоит нашего терпения. Коля станет гениальным скрипачом и прославит нашу семью. Или кто-то просто маленький, слабый и нуждается в нашей самоотверженной и постоянной заботе.

Объектом культа может стать Вечный Зародыш. И его главное назначение – всегда оставаться маленьким и нуждаться в заботе, охране и приносимых жертвах. Потому что именно в этом смысл жизни Утробы, выносившей его или взявшей на себя заботу о нем. Чаще всего Утроба эта – его мама, а ее портрет прекрасно описал Чехов в своей «Душечке». Смысл жизни Душечки – в заботе и опеке того, кто с ней рядом – сначала это муж, потом племянник. И ему совершенно незачем вырастать, пока рядом с ним его добрый ангел, берущий на себя груз всех забот.

Вообще-то Зародыш совершенно не обязан быть вечным. Он был объектом восточноазиатских религиозных культов: *«…артефакты, известные в восточно-азиатской археологии под обобщённым наименованием магатама (восходящем к японскому названию изогнутых яшмовых подвесок, считавшихся наряду с зеркалом ками и мечом катана символом императорской власти и предметом особого поклонения как олицетворению плодородия) являются стилизованным изображением личиночной стадии метаморфоза насекомых семейств пластинчатоусых жуков скарабеидов, пилильщиков и жужелиц». (С. В. Алкин «Архетип зародыша в азиатской мифологии»).*

Личинки насекомых во многих религиях символизировали вечный круг жизни, ее неистребимость. Смысл личинки в том, чтобы дать жизнь имаго, взрослой форме, совершенно на нее не похожей. Это и происходит в функциональной семье: будущая мать все свое основное внимание отдает будущему ребенку, сосредоточивает на нем свои интересы, делая остальные на время его развития вспомогательными, вторичными. То же относится к первым дням, неделям, месяцам жизни новорожденного, но уже с пониманием того, что непосредственное присутствие матери в жизни ребенка становится все менее необходимым, а ребенок все в большей степени контактирует с окружающим миром, и однажды переходит в состояние взрослого человека. В такой семье Зародыш, развиваясь и трансформируясь, достигает цели, запланированной природой – становится взрослой особью и сам производит себе подобных.

Иное дело – семьи дисфункциональные, проблемам которых посвящен этот очерк. Бывает так, что беременность протекала очень тяжело, и мать испытывала постоянный страх потерять ребенка. Она его все-таки рожает, а страх потери остается, и он запускает порочный круг непрестанной заботы и опеки. То, что было естественным во время беременности, становится избыточным и даже вредным вскоре после рождения ребенка, но мать этого не замечает, и продолжает насиживать свое яйцо. И зародыш в этом яйце не всегда достаточно силен, чтобы проклюнуться не только через свою скорлупу, но и через свою маму. И его жизнь стано-

вится особенной, его миссия – сохранить status quo той, что его опекает. Он Вечный Зародыш, она – Вечная Утроба или Великая Праматерь. Друг без друга они немыслимы. Бывает так, что своим ребенком бездетная женщина может сделать своего мужа и холит его лет десять, пока не появляется на свет их общий ребенок. Не все мужья выдерживают этот счастливый выигрыш, потому что его место любимой «картинки» оказывается моментально занято новорожденным карапузом. А что прикажете делать холеному мужу? Мы можем порадоваться за него: у него появился, наконец, шанс стать взрослым! И некоторые используют этот шанс, но сколько обиды порой бывает на их лицах, лицах запоздалых отцов-детей. Правда, некоторые мамы умудряются холить все свое увеличившееся семейство, и это более благоприятно для постепенного взросления папы – он, по крайней мере, не чувствует себя внезапно заброшенным.

Мы с вами можем вспомнить одну старую сказку о мальчике по имени Питер Пэн. Собственно, он никогда так и не стал настоящим мальчиком. Старый ворон Соломон с птичьего острова назвал его Серединка-Наполовинку, а потом – Ни то Ни се. Строго говоря, Питер не стал даже настоящим ребенком, практически оставшись Зародышем. Эти два персонажа – Зародыш и Дитя, можно спутать, потому что речь как будто идет об очень маленьких существах, но все-таки между ними есть принципиальные отличия.

Зародыш с матерью слитен, психологами это называется симбиоз или дуальюнион, а Дитя от матери постепенно отталкивается в мир.

Зародыш свернут, закуклен, его взор устремлен в собственный пупок, а Дитя развернуто, и взор его устремлен в мир.

Зародыш летуч, это космическая спора жизни, занесенная неведомым ветром в лоно матери (так в народе говорят о беременности – ветром надуло), а Дитя учится ползать и стоять на земле. Оно тоже захочет летать, но будет учиться этому заново.

Зародыш – тот, кто был Птицей, Дитя – тот, кто становится Человеком.

Питер Пэн точно знал, что он был птицей, его плечи нестерпимо зудели в тех местах, где прежде были крылья, и он улетел от своей мамы. Просто потому, что она не затворила окно. Есть библейская формулировка «отворить лоно». Бог отворял лоно, когда давал добро на рождение ребенка. Логично предположить, что лоно нужно и вовремя затворять, чтобы обратно не выдуло. Однажды Питер вернулся к маме, т.е. он хотел насовсем к ней вернуться, но увидел, что окно затворено и забрано решеткой, а мама лежит на кровати и обнимает другого ребенка.

Что сказать? Иногда нас поражает долгожительство некой женщины, которая опекает своего никогда не женатого сына, уже разменявшего седьмой десяток. Словно только он удерживает ее на земле и наполняет смыслом каждый ее день. Они по-своему могут быть счастливы, если приняли свою судьбу. Про них вполне можно сказать, что они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Но чаще всего человек становится именно Ни тем – Ни сем, подобно Питеру Пэну – уже не птицей и еще не человеком, и эта двойственность мучит его, когда он хочет стать настоящим мальчиком. А он мучит ту, которая решилась построить с ним общее семейное гнездо. Этих историй столько, что ими пора бы уже вымащивать дорогу в Изумрудный Город или в иное, столь же чудесное место. Это в виде компенсации за трудности совместной с ним жизни, потому что ВЗ (Вечный Зародыш) очень трудно поддается перевоспитанию, реально с ним может жить только его мама, кем бы она не была. Трагична судьба ВЗ уставшей мамы. Т.е. какое-то время ей хватает сил нести свой крест, а потом она изнемогает под его растущей тяжестью и норовит то присесть, а то и вовсе снять его с себя. Это вызывает у детей – ВЗ панический страх потери, попытки цепляния за объект привязанности. Так иногда завершаются попытки отлучить дитя от груди у тревожных мам. У нее уже практически нет молока, но остается ритуальная связь с ребенком через сосок вместо пуповины. Знаете, что помогает? Перестать маме

паниковать по поводу вечности своей несвободы, расслабиться и дать ребенку насладиться той связью, которой у него больше никогда и ни с кем не будет. Перестав испытывать страх возможной потери, Зародыш вполне может расслабиться сам и проклюнуться из скорлупы, превращаясь, наконец, в любопытное Дитя, каждый день которого наполнен множеством новых знаний и умений, а от мамы он с каждым днем убегает все дальше и дальше.

И, знаете, среди них встречаются очень талантливые люди, которые прекратили попытки стать взрослыми и продолжали забавляться словами, нотами, мазками красок на холсте, моделями машинок и вечных двигателей. И, поскольку внутренний мир Зародыша огромен и бесконечно потенциален, его никем не ограниченные забавы уносили и уносят многих взрослых женщин и мужчин на тех крыльях, которые всегда хранятся у нас в незримых заплечных культях снова на птичий остров, где все еще только начиналось, и можно было стать кем угодно. Единственный из всех нас Зародыш не скован никакими условностями, которые начинаются сразу же после рождения. Один из них сказал такую вещь: *«Вообще это самый лучший способ писать стихи – позволять вещам становиться туда, куда они хотят»*. Это сказал замечательный Винни-Пух! И жил когда-то на свете человек по имени Сальвадор и его жена Гала. Он писал странные картины, она была его музой и матерью. Инцест? Да. Но, видимо, по-настоящему райские (или адские) видения можно узреть только в материнском лоне.

Бывает ли ВЗ девочкой? Бывает, но реже, потому что традиционно девочку воспитывают старшей (хорошо родить сначала няньку, а потом ляльку). Иногда взрослая ВЗ с удовольствием играет в кастрюли и сковородки на кухне, если ее хорошо хвалят. И она тоже иногда бывает талантлива, а ее детей всегда может воспитать бабушка, которая мама для ВЗ.

А кто из нас хоть раз не мечтал о чудесном месте, в самом начале детства, которое Алан Милн назвал Зачарованным? *«И они пошли. Но куда бы они ни пришли и что бы не случилось с ними по дороге, – здесь, в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик всегда будет играть со своим медвежонком»*.

С Зародыша начинается представление о персонажах большого сюжета Пути, Путешествия, Познания. В одном из последующих очерков он будет именоваться срединным путем карнавала. В нем содержится аспект, который мы можем назвать Простаком. Это самый примитивный Трикстер, у которого практически отсутствует инстинкт самосохранения, потому что эту функцию выполняет его Праматерь. Питер Пэн улетает от мамы. Он по определению Джеймса Барри веселый, беззаботный, бессердечный, очень легко попадает в трудное и безвыходное положение, и также легко в этому приспосабливается, за счет легкости нрава всегда находя дополняющую и необходимую ему утробу. Сначала это гнездо, построенное для него дроздами на птичьем острове, чтобы он мог плавать по озеру, потом это девочка Мэйми, которую он сравнивал с уютным гнездышком. Потом девочка Вэнди, потом ее дочь, потом дочь ее дочери… – и так до бесконечности. Простак и уязвим и неуязвим одновременно. Его неуязвимость в непредсказуемости и совершенно дурацкой, непонятной нормальному человеку логике поведения. Этот дурак просто гениален в своей простоте.

Разумеется, никто не бывает Зародышем в чистом виде, и об этом можно будет повторять по поводу каждого нового персонажа.

За этим огромным Зародышем мы совершенно забыли о его Великой Праматери. В образе Вэнди хорошо узнаваема Милая Женщина, с которой мы познакомились в зеркале Юнга. Ее кухня столь притягательна, что нужно иметь много мужества, чтобы снова и снова ее покидать. И это не каждому удается. К примеру, Рыжий Дурень оттуда практически не вылезает.

Пара или квартет?

Семья всегда начинается с пары, даже если эта пара разваливается сразу после встречи, оставляя плод союза – ребенка. Как создается такая пара – одна из загадок человеческой жизни. Очень редко семейная пара возникает в первой влюбленности, часто – по «залету», нередко по длительной и проверенной склонности, по яркости блеска – со звездами, и очень часто потому, что время пришло вить гнездо, обычно с представителем своего «вида». Астрологи называют последний вид браков гнездовым, а генетики – ассортативным, по сходству важнейших личностных характеристик. Можно найти и применить множество классификаций и видов браков, но, с архетипической точки зрения возможно не столь большое разнообразие и, соответственно, меньшая путаница. Здесь не прозвучало слово «любовь» – не стоит походя разбрасываться такими словами. Всему свое время.

Он станет моим мужем
(из дневника Squaira, #семья)

Кто хорошо знает женщин, ни за что не станет делать каких-то далеко идущих предположений относительно любой из них, даже если она кажется явной и легкой добычей. Опытные мужчины в отношениях со «слабым» полом иногда становятся осторожными вплоть до полной запуганности, умные успокаиваются на лучшей из встреченных женщин, а лучшая та, с которой хорошо оставаться и в радости и в горе. Умнейшие остаются холостяками. А чем же руководствуются сами женщины? А у женщины, братцы и сестрицы, есть внутренний голос, если она, конечно, его слышит. Некоторые избегают внутренних голосов, некомпетентно считая их галлюцинациями, но Татьяна думала иначе.

С юности так получалось, что внутренний этот голос очень вовремя предупреждал ее делать или не делать что-то, и, если она решала, что это блажь, и делала наоборот, то вскоре убеждалась, что именно голос и был прав. Чей это голос, было совершенно непонятно, точно, что не мужской и не женский, и не ее собственный. Появлялся он весьма редко и нерегулярно, так что она отвыкнуть успевала от него к очередному появлению.

А теперь довольно о голосе, пора о самой Татьяне. Она была ужасно влюбчива – до безумия и по самые уши. Причем, эти влюбленности в разных прекрасных героев отнюдь не подразумевали поисков взаимности. Татьяна томилась в ярких грезах, в которых происходило все, о чем она мечтала. Реальные встречи происходили тогда, когда по какому-то невероятному совпадению обстоятельств ей ужасно нравился тот, кто заметил ее первым. Тогда весь мир начинал сиять, переливаться и всячески удивлять. Длилось это всегда недолго. Девица была не против физических отношений, но, как только она с удовольствием допускала их начало, то по какой-то непонятной для нее причине отношения тут же портились и рвались. Причем, она была уверена, что это он охладел, и, чтобы не быть брошенной, рвала отношения первой. Потом мучительно страдала и краешком глаза наблюдала подобные переживания у своего бывшего. Потом бывший обзаводился новой подружкой, а она со вздохом влюблялась в кого-то, совершенно неожиданно возникшего.

К двадцати с чем-то годам ее угораздило влюбиться в женатого, но ужасно обаятельного мужчину, который делал ей многозначительные авансы, и, как она поняла позже, вполне бессовестно соблазнял. Но каким-то чудом и на этот раз она умудрилась остаться девицей. Да, раньше такие чудеса случались сплошь и рядом. То ли пережиток во взглядах, то ли любовь к игре в динамо помогали тогдашним девицам долго морочить голову своим поклонникам и даже возлюбленным, не сдавая позиций полностью.

И вот однажды Татьяна пришла к горькому для себя выводу: все ее влюбленности проходят практически бесследно, т.е. не совсем, конечно. Один ей все стихи читал и пристрастил к поэзии, другой научил картошку правильно жарить, и, собственно, о каждом она сохранила какие-то симпатичные воспоминания. Но о замужестве ни с одним из них не думала и, собственно, не хотела. А вот теперь задумалась, и не то, чтобы в девках сильно боялась застрять, а как-то экзистенциально. Как бы вообще пора, хочется чего-нибудь такого надежного, лично своего.

Восьмое марта у нее было два варианта отметить. Первый – в своей компании, где наверняка можно было очень мило провести время. Второй вариант предлагал поздравить Анну Михалну, у которой она проходила студенческую практику. Она с ней замечательно сдружилась за последнее время, Анна Михална была просто прелесть, хоть и лет на десяток старше ее, у нее была семья – солидный муж и двое детей. Внутренний голос подсказал Татьяне странную вещь: отказаться от развеселой вечеринки с друзьями и пойти к Анне Михалне. Так она и сделала.

Минут через пять прибыл Евгений с той же достойной уважения целью – поздравить сестру своего друга. Евгений оказался энергичным, симпатичным, стройным и вообще… Татьяна ему явно понравилась, а Анна Михална на кухне шепнула ей, что мужичок разведенный и, кажется, свободный.

Евгений проводил Татьяну до ее дома. Оказалось, что они живут совсем недалеко друг от друга. Они условились о следующей встрече, и Татьяна, блестя глазами и зубами, закрыла дверь. Тут она снова услышала внутренний голос. Он ей категорически заявил: «Этот человек будет твоим мужем». И Татьяна знала, что так и будет. Это отнюдь не было вопросом влюбленности, нет, на уровне чувств была симпатия, ощущение тепла, надежности, какие-то смутные фантазии по поводу устройства гнездышка… Короче, метафизика.

Такие браки заключаются очень быстро, потому что решение было принято сразу, в первую же встречу. Они поженились месяца чрез три – и это при том, что Евгений еще не вполне оправился от разочарований своего первого брака. Может быть, вы думаете, что у них получился какой-нибудь идеальный брак? Ничего подобного – множество тараканов погибло в семейных битвах и тихой подпольной борьбе. Татьяна еще долго искала своего настоящего героя, и даже изменила с ним мужу – ненадолго. Герой был грубо выдворен Евгением из Татьяниной жизни, а потом была ужасная трагедия попранной любви. Эта трагедия тоже рано или поздно закончилась. Что вам сказать, ныне Татьяна вполне довольна своей жизнью, мужем и детьми (даже странно, откуда давным-давно об этом мог знать внутренний голос), а мечты… они всегда с нами.

Забавно, что очень многие женщины, те, у которых получились стабильные браки, имеют в своем добрачном прошлом разбитое разлукой сердце, даже неоднократно разбитое. И у всех, кого я знаю, была одна и та же тема в тех отношениях: безумная и самоотверженная любовь почему-то не совпадала с твердым намерением выйти замуж. Т.е. даже наоборот: выходить замуж было почему-то нельзя или не хотелось. Беременности в этих случаях либо не наступали, либо заканчивались выкидышем или абортом. Причем, любили так, что чувствовали любимого на расстоянии, знали его невысказанные желания, общались с ним где-то там, не здесь.

Одна девушка (Саша) так сформулировала то, что испытывала: «Я его очень любила, но жить с ним не смогла бы – это совсем другое дело – жить вместе». Со стороны казалось, что они идеально подходящая друг другу пара – общие интересы, полное взаимопонимание, но как только доходило дело до совместной жизни, они становились чуть ли не врагами. Она решила уехать из города, чтобы начать новую жизнь, и перед отъездом Шурик на коленях стоял перед ней, чтобы она осталась с ним в качестве жены. Она уехала, и точно знала, что это правильно. Через три месяца Шурик сделал предложение хорошей девушке, с которой Саша была знакома и знала, что Шурик встречался с ней уже три года. Саша поняла, что ей просто необходимо женить Шурика, чтобы освободиться самой. И только потом решить, как жить дальше.

* * *

Получается таким образом два основных типа отношений близости мужчины и женщины: один нечто вроде духовного брака (который не исключает физической близости, но не служит делу продолжения рода), и брак земной, основная цель которого есть продолжение рода и передача эстафеты всяческого рода ценностей: и материальных и вполне духовных. Иногда люди, встречая очередного партнера или партнершу, четко чувствуют: именно он будет отцом (или матерью) моих детей. А это, согласитесь, кому попало не доверишь. При этом детям семьи нередко достаются имена бывших возлюбленных, и не только имена, а и часть судьбы. В общем, какой-то замес, микст из Сбывшегося и Несбывшегося, духовного и материального.

У мужчин, кажется, тоже так бывает сплошь и рядом. Выходит некий квартет в супружеской паре: два явных персонажа и два теневых, будто изба, которая без четырех углов не бывает.

Очень часто дополнительные персонажи становятся друзьями дома и долгие годы вызывают периодические уколы ревности у соответствующего супруга. Но известно, что квадрат очень прочная фигура, и такой квартет служит неплохой основой семейной жизни. А, может, и самой лучшей. Кстати, греза о далеком возлюбленном способствует вполне позитивному сексу с собственным супругом. Так даже делали детей некоторые гомосексуальные монархи Европы, имея поблизости предмет своей страсти. Последние высказывания могут показаться циничными, зато они очень практичны.

К счастью, эти высказывания вовсе не последние, потому что память вызвала из прошлого яркую картину. Эти двое вместе без малого сорок лет. Они сидят рядом за праздничным столом – легко раздражающийся мужчина с отеками под глазами и плешью на голове и полная женщина в очках и химических кудряшках. За ними на стене фотографический портрет молодой и явно счастливой пары: бравый парень с густым чубом и бедовыми глазами и девушка с нежным лицом и толстой косой чрез плечо. Красивая пара – глаз не оторвать. Это тоже они – почти сорок лет назад. Он когда-то был влюблен в эту девушку, и она была влюблена в него, ради нее он проехал полстраны и бросил все, что было до нее. Потом было всякое, и можно было десятки раз расстаться раз и навсегда, потому что были очень веские для этого причины. Она никогда не устраивала сцен ревности, а он, возвращаясь из очередной командировки, всегда предупреждал ее о своем возвращении звонком по телефону. Своему другу он так объяснял: «Я не хочу застать ее с кем-нибудь, предпочитаю встретиться по-хорошему». Этот простой крестьянский парень оказался мудрым и постепенно полюбил женщину с усталым лицом и грузным станом, родившую ему детей, свою подругу, с которой делил радость и горе все эти годы, и теперь ни на кого бы ее не променял. Даже на ту красавицу из юности с толстой косой через плечо. Девушка с фото улыбается нежно и лукаво, бравый парень лихо зыркает на пожилую пару, они всегда вместе.

«Холостые» браки

Все вышесказанное вполне может быть отнесено к ситуации бездетной семьи. Хотя «холостая» семья, как холостой заряд, шуму делает много, а толку (с обывательской точки зрения) мало. Хотя ведь смотря что считать толком. Детей может не быть по разным причинам: биологическая невозможность, психологическая неготовность кого-то из супругов стать родителем, принципиальное нежелание связывать свои руки заботой о детях, наконец, полная поглощенность друг другом или иным высоким искусством.

Именно такая семья позволяет обнаружить архетипическую сущность брака, которая заключается в соединении двух различных и необходимых друг другу начал: белого, содержащего в себе тьму, и черного, содержащего в себе свет. В древности это называлось hieros gamos (священный брак) между двумя противоположными и дополнительными друг другу началами. При этом в качестве детей в холостой семье вполне могут воспитывать кошек или рыбок.

Вы спросите, а если встречаются два человека одного пола, которые чувствуют свою обреченность друг на друга? С архетипической точки зрения они создают необходимую себе и другому целостность. Ведь семья не столько снаружи, сколько внутри, в доме души. А в доме том не счесть лабиринтов. Т.е. биологически и юридически это, может, и не брак, а вот архетипически – да.

С этой точки зрения интересно поразмышлять на тему дружеских союзов холостяков, которых трудно заподозрить в нетрадиционных предпочтениях, хотя желающие могут пофантазировать и на эту тему. Есть группы литературных персонажей, отличающиеся особой притягательностью, сопоставимой с притягательностью домашнего очага. Многие поколения восторженных почитателей таланта Артура Конан Дойля и Агаты Кристи не дадут соврать. Одинокий, ни с кем не проживающий под одной крышей, мистер Шерлок Холмс, вызвал бы на порядок меньше позитивных эмоций, чем находящийся в паре с доктором Ватсоном. Так же, как и Эркюль Пуаро без Артура Гастинса или хотя бы унылой мисс Лемон. А каков был бы ловкий адвокат Перри Мейсон без Деллы Стрит или Ниро Вульф без своего помощника-детектива Арчи, дворецкого и орхидей? Оставим пока этот вопрос открытым и вернемся к нему в главе о двойниках и фратриях.

Дети

«Дети – наше наказанье,
Дали им образованье,
Стали дети непослушны,
Но без них ужасно скучно…»
(м/ф «Возвращение бременских музыкантов» — стихи Ю. Энтина)

В благоприятном и традиционном варианте в семье рано или поздно появляются дети. Кто они для родителей? Казалось бы, странный и неуместный вопрос. И написано об этом чрезвычайно много. И все же попробуем подытожить хотя бы лежащие на поверхности феномены влияния, которое дети могут оказывать на родителей:

– Дети вызывают у матери полное изменение картины мира со сменой ведущей мотивации, в центре которой стоит забота о младенце.

– Дети вызывают чувство гордости, доказывая способность родителей к продолжению рода.

– Дети обеспечивают родителям роль творца, пусть и малого, но традиционно чрезвычайно уважаемого в социуме. У большинства женщин материнский инстинкт настолько силен, что при отсутствии собственных детей она почти всегда ищет заменяющий объект для заботы и реализации своего инстинкта.

– Дети отнимают чрезвычайно много сил, а у матери – часть ее физического тела. Они – тяжкий крест и пробный камень.

– Дети ограничивают свободу своих родителей, т.к. львиная доля времени теперь должна быть потрачена на них.

– Вместе с тем дети стимулируют в своих родителях качества гибкости, способности к приспособлению, адаптации, возвращают их в полный ресурсов период младенчества и раннего детства, реставрируют тем самым творческие возможности своих родителей. Во многих смыслах поэтому детные супруги превосходят бездетных – за одного битого двух небитых дают.

– Дети могут раз и навсегда изменить для нас картину мира, своей непосредственностью отражая жизнь по-своему. «А король-то голый!» – может выкрикнуть только маленький ребенок, открывая глаза всем остальным, не имеющим столь непредвзятого взгляда на мир.

– Дети надолго обеспечивают своих родителей естественным смыслом жизни, что, однако, создает опасность экзистенциального вакуума после достижения детьми практической самостоятельности. Вот здесь и понадобятся родителям качества гибкости и способности к адаптации.

Дети в определенном смысле являются материалом, из которого родители созидают нового человека. Т.е. мы имеем дело не просто уже с людьми, парой, а с Творцами, Демиургами, в мифологии такой персонаж называется культурным героем (КГ). Особенно ярко КГ представлен в архаических мифологиях, когда мир творит созданное КЕМ-то существо: койот ли у индейцев, богомол ли у африканцев, один человек или пара людей. Суть в том, что мир уже создан в общих чертах (нулевой цикл заложен Большим Творцом), но его довершение, внутренняя отделка, благоустройство совершают существа, которым жить в этом мире. Библейское повествование аналогично рассказывает о роли Адама, который давал имена (а это важнейшее участие в созидании по представлениям древних) всем тварям, созданным Богом.

Родители дают имя своему ребенку, и этим подчеркивают свой акт творения. И вот дальше начинаются многообразные коллизии с правами и обязанностями КГ-Творца. Все родители понимают это по-своему: от «хоть сопливый, да свой», до «я тебя породил, я тебя и убью», беря на себя тем самым роль Большого Творца. В этом, вероятно, заключается большая ошибка – в этой путанице между уровнем творчества и ответственности.

«Ваши дети не являются вашими детьми. Они сыновья и дочери стремления жизни к самой себе. Они пришли благодаря вам, но они не от вас. И хотя они с вами, они все же не принадлежат вам. Вы можете давать им свою любовь, но не свои мысли, потому что у них есть свои собственные мысли. Вы можете укрывать их тела, но не их души, потому что их души обитают в дали завтрашнего дня, которые вы не можете посетить даже в мечтах своих. Вы можете стараться быть похожими на них, но не пытайтесь сделать их похожими на себя, потому что жизнь не идет назад и не остается во вчерашнем дне. Вы есть лук, из которого ваши дети, как живые стрелы, посылаются вперед. Лучник видит цель на пути бесконечного, и он сгибает вас своим могуществом, чтобы его стрелы летели быстро и далеко». (Халил Джибран «Пророк»)

Устами младенца
(из дневника Squaira, тэг «дорожные заметки»)

Как вы думаете, способно ли трехлетнее дитя с ходу отличить монашку в черном от бабы Яги? Я вот тоже думала, что может. Но…

Эту историю мне подарила сама ее героиня (назовем ее Прасковья), которая трудится в крохотной часовенке большого города Запорожья. Трудится, значит, делает все: чистит, моет, стирает, за свечками приглядывает, с посетителями культурно общается.

Однажды по причине раннего еще утра в часовне не было никого, а неподалеку бог весть откуда взявшаяся весело шумела молодежная компания с маленькими детьми. А Прасковья (впрочем, не монашка еще, но желающая вступить в соответствующие стройные ряды), отсвечивая в полумраке скорбным и постным ликом, вся в темном и длинном, как положено, что-то скребла и мыла.

Вдруг в часовню заглянули два любопытных маленьких личика и глазенками быстренько обшарили всю внутренность часовенки. Увидев фигуру в черном, не то в восторге, не то в страхе они закричали: «Баба Яга, Баба Яга! – и исчезли. Через полминуты они появились снова, – Баба Яга, я на тебя плюю!» – и точно плюнули и убежали. Так они повторили еще несколько раз.

Прасковья почувствовала, что изнутри закипает, но в храме нельзя вести себя не благостно, и она терпела, тихо увещевая детей. Это не помогло, и она вышла к родителям, все еще терпеливо объясняя, что нельзя в храм Господень так забегать, да еще поминать языческую ведьму, не говоря уже о плевках в сторону церковных служителей. Родители смутились и сердито погрозили детям.

Прасковья медленно и чинно возвратилась в часовню, продолжая трудиться и смиряться. Вскоре, однако, заметила просунувшиеся в дверной проем детские головенки. На сей раз дети молча наблюдали за ней. Потом девочка постарше набралась смелости и спросила:

– А ты кто?

Прасковья не выдержала и в сердцах брякнула:

– Баба Яга!

Старшие и младшие

В Ветхом Завете множество событий говорит о том, что Господь дал людям право первородства, но тут же отбирал его тем или иным образом, давая все привилегии младшему из братьев. Т.е. официальный майорат (право старшего) оборачивается практическим миноратом (право младшего).

Начинается все с истории Каина и Авеля. Господь пренебрег дарами Каина и предпочел дары Авеля, чем спровоцировал рознь между ними. И не осталось тогда никого, кто бы мог наследовать отцу, ибо Каин удален был в изгнание. Тогда Ева родила Сифа, и все права перешли к нему. Потомок его потомка Ноя, Авраам с женой Саррой родили Исаака, но до этого Сарра была бесплодна, и Аврааму родила рабыня Агарь сына Измаила. Права же достались младшему Исааку. У Исаака и Ревекки было два сына – старший Исав и младший Иаков. В Писании сказано, что Господь сказал Ревекке, что «больший будет служить меньшему», а Исаак возлюбил старшего своего сына и хотел благословить его перед смертью. Исав был охотником, а Иаков был нежен и сидел в шатрах. Ревекка обманула своего слепого умирающего мужа, подсунув для благословения Иакова с обмотанными козлиной шкурой руками и шеей, т. к. Исав был очень волосат. Исаак благословил Иакова как старшего. Дальше – у Иакова (Израиля) было двенадцать сыновей, двенадцать колен Израилевых, из них благословение получил Иосиф, предпоследний сын патриарха. Другой сын Иакова Иуда имел двух младших сыновей от овдовевшей невестки. Ей пришло время рожать, и показалась из лона ручка первенца, повитуха перевязала ее красной ниткой, чтобы отличить, но ручка тут же спряталась, и первым родился его брат.

Иосиф имел двух сыновей: Манассию и Ефрема и привел их для благословения к Израилю. Тот возложил правую свою руку на Ефрема, а левую – на Манассию, перепутав положенный порядок.

«17 И увидел Иосиф, что отец его положил правую руку свою на голову Ефрема; и прискорбно было ему это. И взял он руку отца своего, чтобы переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии,

18 и сказал Иосиф отцу своему: не так, отец мой, ибо это – первенец; положи на его голову правую руку твою.

19 Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын мой, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ».

Если мы обратимся к более древним мифологиям, то окажется, что Зевс был шестым и последним из детей Кроноса, и именно ему досталась верховная власть на Олимпе. Его сын Геракл должен был родиться первым (по замыслу Зевса), но ревнивая Гера расстроила его планы и помогла первому выйти на свет брату Геракла, сыну Амфитриона, Эврисфею. А Гераклу пришлось служить своему брату, ставшему царем. Но на поверку по всем статьям Геракл обставил своего малозначительного брата, так всю жизнь и просидевшего во дворце.

А если открыть сказки, то сплошь и рядом младшие сыновья самые удачливые (даже если они дураки), а младшие дочки самые красивые и везучие. Порядок их ценности и значимости обозначен металлами царств, которые им достаются: старшим – медное, средним – серебряное, младшим – золотое.

Чем объясняется такой явный архетипический минорат? При том, что в социуме якобы господствует право первородства? Если понять слова Господа буквально, то большее служит меньшему, более позднему и более совершенному, а семья подчинена интересам младших…

Так сказать, алгоритм прогресса?

Собственно, так и выходит на практике. Первородство старшего и все его обретенные за коротенькую жизнь права на всеобщую и неделимую любовь, разбиваются при рождении в семье младшего ребенка, даже если родители бережно готовят первенца к этому событию. Он же не слепой и видит, с кем теперь возятся его родители! И действительно, абсолютной власти недавнего прошлого уже не вернуть, и старший Исав, возвращаясь домой с охоты, усталый и смертельно голодный, просит своего брата накормить его. И тот кормит, покупая себе этим право первородства у Исава. Старшие в каком-то смысле питаются крохами со стола младшего. Или пытаются отвоевать себе прежние права в семье.

Когда-то у меня на приеме была молодая семья с девочкой лет пяти и мальчиком годика полтора. Девочку привели, чтобы исправить ее непокорное и строптивое поведение. Она никогда не отличалась особым миролюбием, но после рождения братика как с цепи сорвалась. Семье было дано задание продолжить неоконченную сказку о том, как у козы появился второй козленочек и она сказала своему старшему, что молочко теперь будет отдавать маленькому. Девочка без раздумий тут же выпалила: «А пусть эта коза ест побольше травы, чтобы молока на всех хватило!»

Старший ребенок какое-то время может воспринимать себя близнецом младенца и хочет получать равные с ним блага, например, требует пустышку и залезает в коляску малыша. Пока не убедится, что все в порядке и молока на всех хватает. Но Писание предупреждает нас о том, что равенства не бывает, и первый в каком-то смысле тот, кто родился последним. Чемпион с хвоста, так сказать.

Вспоминаю мальчика, который после рождения младшего брата надолго стал угрюмым, а когда мать вышла в коридор, сообщил, что он сам воспитывает брата – для себя. Он хочет получать от брата любовь и признание своей уникальности. А брат как бы становится его собственным первенцем. Это хорошо видно на рисунках тех детей, которых больше воспитывают старшие дети в семье, нежели родители. Младший рисует рядом с собой брата или сестру, и только потом маму и папу. И мать знает, что может вполне положиться на своего первенца, который отлично посредничает между ней и малышом. В дальнейшем оказывается нередко, что между старшими и младшими в семье устанавливаются близкие дружественные отношения, сестры и братья поверяют самые важные секреты не родителям, а друг другу. Надо сказать, что в традициях народной культуры именно так происходил процесс воспитания детей в семье: старшие нянчили и воспитывали младших, и те почитали их за это. Это не значило, конечно, что родители отстранялись от воспитания младших, но пользовались шефским посредничеством своих первенцев.

Старшие носятся с младшими не только в детстве, вполне зрелый возраст родственников отнюдь не является гарантией их равной самостоятельности, и старший нередко получает прямой наказ от родителей или негласную программу: заботиться о младших всю свою жизнь, помогать им решать их проблемы, устраивать жизнь. Степень этого участия различна во всех случаях, и она естественна. Когда же такое природой определенное соотношение нарушается, например, спивается старший брат, то это наносит глубокую душевную рану его младшей сестре, которой теперь приходится функционально стать старшей или возненавидеть его. В фатальности таких изменений можно усомниться опять же исходя из базовых смыслов Писания: Господь намеренно смешивает, путает старшие и младшие карты в своей колоде, самая младшая может оказаться козырной, а Джокер (дурак) и вовсе способен заменить собой любую карту.

Младшие дети и их аналоги
(из дневниковых записей Squaira, #семья #Витя)

Иногда в семьях происходят забавные события – так младших детей случайно называют именем домашней собаки – и наоборот. Например, в одной семье собаку звали Ютой, а младшего ребенка – Улей. Юту изредка звали Улей, а Улю – Ютой. Соседка как-то перепутала свою Настю с собакой Найдой, представляете, кричит на всю улицу ей: «Найда, иди домой!» – и бегут обе. А на днях я сама в сердцах крикнула на нашу собачку Кэрри, которая не давала мне проходу, ласкаясь: «Ну, Витя, отстань!» Витя – мой внук. Обнаружив свои странные оговорки, сама поражаюсь тому, что это вообще могло случиться. Но ведь случается же… Причем, во всех случаях речь идет о младшем ребенке в семье.

* * *

Что тут скажешь, слово не воробей, вырвалось – не поймаешь. Мы иногда невольно их отождествляем – младших детей и милых домашних животных. Получается, что они играют для нас сходную роль. Какую же? Не будем придираться и сражаться по поводу уровня их влияния на наше сознание. Человек, да еще родная кровь, несопоставим с животным, пусть и домашним любимцем. Хотя чайлдфри (свободные от детей) и поборники прав животных очень даже могут со мной поспорить.

И все же младшее существо в семье, кем бы оно ни было, может служить чем-то вроде исполнителя желаний, волшебной палочки, утешения, мы любим животных и младших детей за их привязанность, безусловное принятие нас со всеми нашими потрохами и беззаботную ласку. Вспомним любимчика тетки Тома Сойера – его младшего брата Сида. Воспитывая их, культивируем именно эту беззаботную легкость и приятность. Возможно, все мы втайне нуждаемся в утешении и благодати, и пытаемся обрести это в малых сих. Наверное, искренне верующие люди в этом плане честнее атеистов, не перекладывая своих обязанностей по достижению утешения в молитве на детей и прочих братьев наших меньших, которые легко и естественно достигают Царствия Небесного, вымащивая дорогу для нас.

Т.е. дети – посредники между миром взрослых людей и миром горним?

Только ли с горним миром связывают нас дети? Интересна в этом плане (да и в каких только планах она не интересна) средневековая легенда о Гамельнском крысолове. Он увел из города сначала крыс, потом детей – с помощью одной и той же дудочки. По более поздним трактовкам легенды дети потом оказались в Трансильвании, родине вампиров, нежити. Нежить в европейском варианте это «носферату» – не мертвое (согласно Брэму Стокеру, автору «Граф Дракула – вампир»). Выходит, ни живое, ни мертвое, промежуточное между Этим и Тем мирами, дети – еще не вполне люди.

В данном случае дети – посредники между земным миром и подземным, нижним миром.

И разве жизнь с ними не возвышает иногда нас до горних высот любви и не сбрасывает тут же в бездны самых животных страстей и стихийной злобы? Кто не вырастил ребенка, тот вряд ли поймет это. Ребенок бывает настоящим испытанием человечности его родителей, его крест, про который в одной старой притче сказано было так.

Шли люди по дороге и несли на спинах тяжкие кресты. Их нагнала группа людей, идущих налегке. Эти люди стали осыпать насмешками людей, несущих кресты, призывая бросить

ненужную тяжесть, и быстро обогнали их. Вскоре путники достигли широкого разлома в земле. Люди, идущие налегке, растерялись, не обнаружив нигде края этого разлома. Люди с ношей подошли к краю расщелины, положили свои кресты поперек и перешли по ним.

Разумеется, роль моста или проводника (психопомпа) это только один из аспектов младшего (или единственного) ребенка.

Единственный ребенок, эскиз к портрету

Некоторое время назад мы с моей коллегой Натальей Васильевной в школе случайно обнаружили группу суицидально настроенных подростков. Собственно, исследовали мы ведущие мотивы их поведения для улучшения возможности понимания их родителями и педагогами, а обнаружили вот такое. Две девочки из седьмого класса и мальчик из восьмого. Потом с теми же настроениями сами (после диагностики) пришли еще две девочки из девятого. У всех очень мрачный взгляд на жизнь, регулярные мысли о смерти, какая-то вселенская скорбь. Все они оказались единственными детьми в своих семьях, благополучных по внешним признакам, никто из них уже давно не хочет брата или сестру. Одну из них (с резаной ручкой) я спросила, нет ли дома животных. Животных дома тоже нет. А с родителями она давно не общается. Они живут где-то за стеной, но это давно не важно.

Это, конечно, не статистика, но некий намек на тенденцию.

Им, единственным, достается всего слишком много: слишком много любви и сразу вся ненависть. Легко формируется позиция эгоцентризма, ограничивается взгляд на мир, опыт внутрисемейной коммуникации и взаимных уступок, компромиссов – несравненно слабее, чем в более плотно населенных семьях.

Если у мамы нет папы или друга, или какой-нибудь зверюшки, то ее единственный ребенок должен стать настоящим человеком-театром, играющим множество необходимых в семье ролей, имитатором, хамелеоном, марсианином из одноименного рассказа Р. Брэдбери.

Надежды, возлагаемые на него, опять же огромны, они не разделяются между двумя-тремя наследниками. Кто подаст пресловутый стакан воды своим родителям? Опять он один. И наследство получает сразу все – все родовые сценарии – и позитивные и безмерно тяжкие. Легко ли все это выдержать и не испытать разочарования перед судьбой в лице родителей, когда она вдруг отказывается выдавать безразмерные кредиты и требует возврата ссуды? Судя по этим подросткам, очень нелегко.

Тайна на двоих
(из дневника Squaira, #семья)

Забавно, чем старше становишься, тем все чаще приходят к тебе непрошенные воспоминания из детства. Смотрю на детей, которые растут единственными, и думаю, что мне повезло больше в свое время – у меня есть младшая сестра. На худой конец, это позволяло мне оставаться незаметной, пока мама занималась ее проблемами. Это было, с одной стороны, обидным, но все же развязывало руки и давало свободу. А когда родители занимались друг другом или чем-нибудь еще, мы обе могли улизнуть во двор и на украденные сестрой из отцовской пепельницы копейки купить себе мороженое, в ужасе и восторге от своего преступления, спрятаться за крытой сценой во дворе, и там съесть свою добычу. Это была неправильная и не вполне честная жизнь, но она определенно была нашей собственной. И это была наша тайна, о которой мы никогда не говорили родителям. А впоследствии говорить об этом никогда не было повода, да и вспоминается об этом только, когда я одна.

* * *

Наверное, хорошо, когда в семье у каждого не слишком много ролей, и если уж так получилось, что ребенок в семье один, пусть будет у мамы муж или друг, а у сына – собака или рыбки с птичками. Пусть будет и друзей полный дом, и бабушки с дедами, занятые не только единственным внуком, но и собственными странностями. Пусть приходят малоинтеллигентные соседи за солью и хлебом, пусть единственный ребенок сам забегает к ним, когда родители на работе, просто, чтобы не оставаться в одиночестве.

Пусть его любят, но не только его, пусть иногда терпеть не могут, но не сразу за всех обидчиков. Пусть он станет одним из множества любимых и дорогих, и родители будут хорошими, милыми чудаками, но не самыми лучшими в мире. Пусть у него будет целый мир. Короче, про это гораздо лучше написал Э. Успенский в своей истории про мальчика дядю Федора и его друзей в Простоквашино. Читайте, люди, классиков, у них есть все о человеческой природе!

Приемные дети

Есть множество страшных рассказов о силе генетического наследия биологических родителей (имеем в виду родителей, переставших заботиться о детях в силу своей социальной деградации, в основном, алкоголизма и наркомании). Факты, действительно, говорят о том, что нередко приемные дети уже в раннем детстве обнаруживают черты характера бросивших их родителей – моральную неустойчивость, легкую подверженность внешним влияниям, отсутствие собственного характера, волевых побуждений, склонность к легкому достижению желаний, бродяжничеству, игре с огнем.

И все же современная психогенетика доказала на огромном количестве детско-родительских и близнецовых исследований, что в формировании фенотипа (совокупности всех внешних проявлений организма, включая характер) 50% принадлежит, безусловно, наследственному фактору, но остальные 50% зависят от среды, в которой проявляется формирующийся характер. Поддерживаются и экспрессируются те из пенетрировавших (пробившихся) признаков, которые могут реализоваться в данной среде. Так, правильное воспитание может максимально оптимизировать развитие любого почти ребенка. Однако труда это требует огромного, и всегда нужно иметь в виду крайние варианты, такие, как синдром Преображенского-Шарикова (тупо сковано – не наточишь, глупо рожено – не научишь). Больная эта тема и еще долго будет открытой для дискуссий и открытий. Однако нас в контексте книги интересует другой аспект приемного родительства – архетипический.

Выбор детей приемными родителями нередко ассортативен, по принципу интуитивно улавливаемого подобия. Некоторые женщины, взявшие брошенного ребенка на воспитание, описывают свои чувства от первой встречи с ним примерно так: «Как только увидела ее, у меня что-то замерло внутри, насторожилось – это она!» И даже встречая их вместе, другие люди часто невольно бросают фразу о том, как они похожи. Таких детей легко принимает родня женщины, и такой ребенок со временем усваивает их родовые ценности не хуже кровных детей. Т.е. они становятся культурными преемниками рода, воспитавшего их. Что же в данном случае срабатывает, если не кровь?

Обратимся еще раз к повседневности. Младшие дети из приютов и детских домов (дошкольного возраста) имеют характерную особенность – они ищут маму чуть ли не в каждой новой тете, прижимаются к ней, искательно заглядывают в глаза и даже спрашивают: «Ты будешь моей мамой?»

А одна из моих подруг в юности рассказывала о том, что ее вырастила бабушка Вера, которую она до сих пор завет мама Вера. Т.е. свою маму просто «мама», а бабушку – «мама Вера».

Опыт гибридизации
(из дневника Squaira, #Витя)

Дети очень хитрые. Они могут притвориться, что совершенно не понимают по-русски, а прочие языки совершенно неизвестны тебе, так что ты можешь сколько угодно повторять свои просьбы, увещевания, приказы и даже нечленораздельно орать – тебя все равно не поймут. Пока ты не перейдешь на язык жестов, особенно адресованных ниже пояса. Но иногда они пользуются языком настолько утонченно, что никакому взрослому, если только он не А. С. Пушкин, не А. Милн и не Б. Заходер, в жизни до этого не додуматься.

Витя живет у меня уже неделю, и он очень скучает по своей маме. Иногда он даже плачет и начинает демонстративно пренебрегать бабушкой, хотя бы потому, что я единственное существо, которое сейчас рядом с ним. Нашим цыплятам и примазавшимся к их кормушке воробьям плакать о маме совершенно бессмысленно: цыплята инкубаторские, и мамой считают, похоже, меня. А воробьи думают только о том, как обокрасть цыплят. Поэтому плачет Витя мне.

Примерно на третий день жизни в деревне Витя стал иногда забываться и называть меня мамой, потом исправлялся и чуть-чуть конфузился от этого. А один раз с вызовом закричал мне: «Ты ведь мама, да ведь?» Я подтвердила, что да, я мама его, Витиной, маме. А потом Витя стал вместо обычного «бабушка» звать меня «баба» с французским прононсом и получалось среднее между «баба» и «мама». С прононсом у Вити никаких проблем – слезы и сопли всегда наготове. Я сначала хотела Витю спросить про это, т.е. что он имеет в виду, когда так говорит. Но потом решила, что ведь и так все ясно: конечно, я бабушка, но сейчас еще и мама. Потому что мама ему нужнее.

И вспомнила тут, как моей младшей исполнилось полтора годика, и я вышла на работу, как тогда все выходили, и начала она у меня без конца болеть. И пришлось мне просить свою маму взять к себе малышку пожить. Так Клавунчик на долгих четыре месяца оказалась у своей бабушки в далеком городе. Конечно, мы с ней часто разговаривали по телефону. И все же, когда мы, наконец, приехали забирать Клавочку, она не узнала меня, мало того, спряталась за мою мать, цепляясь за нее с криком «мама!» Что я тогда испытала, мало назвать потрясением. Я заново знакомилась со своим ребенком, и не сразу она назвала мамой меня. Что делать, Клавунчику позарез нужна была мама, кем бы она не была. Ох, спасибо моей матушке! Но больше я не расставалась с дочкой, боялась, что снова забудет.

* * *

Маленький Витя и Клавунчик настолько нуждались в сущности матери (уж не Материнская ли это Любовь из сказки Метерлинка?), что готовы ее искать в другом человеке, тем более, генетически очень близком матери. Вправе ли мы говорить об архетипе Любви, в котором нуждаются все абсолютно люди? Вот сказка, которую сочинила восьмилетняя девочка, у которой в ее четыре года умерла мама, а потом папа женился на другой женщине.

Листик и северное сияние

Жил-был листик на одном дереве. Однажды налетел сильный ветер и оторвал этот листик. Настала зима, закружила вьюга, она все носила и носила маленький листик. А он в это время потихоньку подрастал. Потом наступила весна, на другом дереве в этом лесу потекла смола, листик и приклеился к ней. Приклеился, да и прижился на дереве, а смола оттуда ушла в ствол, чтобы приходить в другие места дерева, куда смогут приклеиться другие листики. А над лесом распустило свои перья огромное и прекрасное северное сияние, и горело оно всеми цветами радуги!

* * *

Девочка сочинила эту сказку через два года от начала жизни в своей новой семье. Разве она не о материнской любви – клейкой смоле, обнаруженной ею в мачехе? Вы можете сказать, что это идеализация ее ситуации, высказанная потребность. Так и есть – не спорю, но добавлю, что на пустом месте ничего не бывает, и мачеха действительно оказалась хорошим, сердечным человеком. Заметьте, что в сказке ребенка смола присутствует только самое необходимое время, пока лист не утвердится на своем новом дереве, а потом переходит в места, где она действительно нужна.

Юнгианские аналитики выделяют фигуру Защитника или Спасителя во снах своих пациентов наряду с образом Насильника, Зверя, Чудовища. Этот аспект несомненно есть в юнговском архетипе Великой Матери. И тянется к ему аспект Зародыша ребенка. Великое и самое безопасное в мире убежище – материнское лоно, и с потребностью в нем можно столкнуться в любом возрасте.

Что тогда важнее – архетип или кровь, сила сродства генов? Выходит, важнее архетипическая сущность взаимодействия, роль Матери, Материнская Любовь. В полной мере об этом народная пословица: не та мать, которая родила, а та, что воспитала.

Как дети появляются среди нас

Беременность от волшебной палочки или История о том, как у одной девочки оказалось два папы, а у другой две мамы *(из дневника Squaira, #семья)*

История эта была взаправду и давненько. Персонажи с тех пор изменились до неузнаваемости, поэтому никаких проблем конфиденциальности возникнуть не может, кроме того, огласка этой истории в свое время была минимальная – исключительно между главными действующими лицами.

Жила девица одна – из тургеневских, воздушная вся и возвышенная, не от мира всего. А звали, кажется, Татьяной, потому как еще маленько пушкинская получилась. Да еще в волшебную палочку очень верила с детства. Ну и натурально сама все это про себя думала, поэтому, когда замуж вышла и столкнулась с грубой действительностью супружеских отношений, заболела чем-то нервным и кожным. Детей она вроде очень хотела, ну и знала, что они должны тем или иным образом возникнуть в процессе естественных взаимоотношений, но не получалось у нее. И даже у него не получалось, хотя до нее все у него прекрасно получалось, и даже с избытком. Но вот захотелось ему на тургеневской девушке жениться. Гинекологи ее обследуют по всем правилам и приговор выносят: беременность наступить не может, извращенный симптом зрачка у нее, самая тяжкая нервно-эндокринная форма бесплодия.

А она им почему-то не верит. Гинекологи только в одну дырку заглядывать умеют, и дальше шейки матки ничегошеньки не видят, а у ее мамы все же двое детей получились, и у ее бабушки, и так далее.

В общем, Татьяна не стала в голову брать тонкости нервно-эндокринных недугов и продолжала эксперименты в духе бабушкиных советов: подушку там вовремя под таз подложить и не слезать с нее, пока не забеременеешь. И еще пошла к доктору знакомому, который умел иглоукалывать. А у нее с этим доктором чуть было роман в свое время не случился, да ей простоты взглядов на жизнь не хватило, так и остались они друзьями. Легла она под его иголки, а он от чистого сердца ей помочь хотел, и невысказанное ее желание озвучил: «Наколю-ка я тебе точки зачатия». И наколол, а она, кажется, густо покраснела от таких его слов, потому что хоть и тургеневская, а в двойном смысле двусмысленностей разбиралась прекрасно. В том же самом месяце она забеременела, а через положенный срок разрешилась отличной девочкой. Через некоторое время сходила Татьяна с дочкой к своему доктору-благодетелю и сказала: «Вот, дочка у нас…» Он двусмысленности тоже понимал неплохо и, конечно, обрадовался. Так они и считали, что у Надюшки два отца в каком-то двойном смысле. Татьяниного мужа решили, правда, не расстраивать, потому что не были уверены в его способности разбираться в таких тонкостях, а доктора этого он сразу невзлюбил со всей силой инстинкта соперника.

Прошло некоторое время, и стало ясно, что ребенку нужен братик или сестричка в крайнем случае, но ни того, ни другого у пары опять не получалось. Ни с подушкой, ни без нее. На тот момент жизни Татьяна к другому иглоукалывателю пошла – к женщине одной. К другу-доктору решила больше не ходить, рассчитав, что слишком много благодеяний в одни ворота может дурно повлиять на дружбу. И вот она к этой мэм-доктор сходила еще раз и прямо так ей высказала свою просьбу: «Мол, хочу забеременеть, уколите куда надо для исполнения моей мечты». Доктор-мэм отнеслась к запросу с большим пониманием и тут же ее уколола в нужные

точки, которые, кстати, как и в первый раз, оказались почему-то в районе щиколоток. И в этот раз волшебная палочка сработала безукоризненно, снова беременность, и еще одна славная дочка. На сей раз супруг Татьяны узнал о существовании такой волшебной палочки и поразился. Он до сих пор был уверен, что она есть только у него самого. Так у Галинки оказались две мамы.

Вот что значит жениться на тургеневских барышнях, верящих в разные сказки. Кстати, у этой барышни не было впоследствии никаких проблем с абортами, наверное, потому что больше она за уколом волшебных палочек никуда не ходила.

* * *

Это только одна-единственная история из бездны историй зачатий или их прерываний по тем или иным причинам. В этой истории не хватило возможностей самой пары, но, поскольку желание иметь детей было вполне искренним, выход оказался найден. А дальше мы продолжим тему появления детей на свет.

Ева и Лилит

Есть в апокрифах ранних христиан история о том, что сначала Адаму Богом дана была подруга, равная с ним. Ее звали Лилит. И не захотела она расставаться со своей свободой и рожать ему детей. Тогда Господь дал Адаму другую жену – создал Еву из ребра его. Ева стала рожать и растить детей. Так возник род человеческий.

Лилит в современной трактовке не кто иная, как чайлдфри, свободная от детей, не желающая променять свободу на заботу о продолжении потомства. Она самодостаточна и устремлена к самой себе, ее качества красоты и привлекательности почти не меняются с возрастом. Реальная женщина с господствующим архетипом Лилит в свои пятьдесят (а то и в семьдесят) так же стройна, подтянута и ослепительна, как и в юности, она продолжает затмевать свою дочь, как и много лет назад, у той практически нет шансов прорваться в красавицы из рядов гадких утят или умненьких девочек. Это Женщина в Красном, яркая, сильная, энергичная, умеющая и любящая быть центром внимания. Ее реальная одежда часто бывает розовой и белой, но красное ей обычно очень нравится, хотя бы в качестве нижнего белья. Да, у реальной Женщины в Красном вполне могут быть дети, природа в большинстве случаев берет свое, но нередко отбирает в следующем поколении. Об этом несколько позже, а сейчас – сны, в которых ярко проявился архетип Лилит.

Сны о женщинах в красном
(из дневника Squaira, #сны)

Я сидела с Н. (справа от меня) и ее дочерью Л. (слева от меня). Обе они были одеты во что-то ярко-красное. Мы о чем-то разговаривали вполне спокойно. Н. вскользь упомянула о смерти сына С., и я сначала не поверила своим ушам. Сомневалась, можно ли об этом переспросить, и вдруг Л. разрыдалась, вслед за ней – Н., и я поняла, что действительно это ужасное событие произошло, и их С. уже нет на свете. Я тоже заплакала, но при этом думала о том, что он, видно, с самого начала был не жилец, и все время с ним что-то случалось, и все время над ним тряслась Н. Почему-то две женщины в красном (его мать и сестра) представляются причастными к смерти молодого человека.

Второй сон приснился примерно в тот же период жизни.

Я вместе с дочкой встречаю одного мужчину – П., который мне очень нравится, и вижу, что они понравились друг другу. Они, не обращая внимания на меня, уходят куда-то (в гостиницу). Я вспоминаю, на каком этаже и в каком номере они могут быть, хочу догнать их, устроить скандал. Я в ярости. Вдруг меня останавливает женщина – уже не молодая, но очень моложавая и обаятельная. Она хочет со мной поговорить. Мы садимся за какой-то столик, и она мне показывает портрет молодой и очень красивой женщины, называя ее имя – Лили … (утром я ее опознаю как Лилит). Это ее бабушка в молодости.

Потом я опять ищу П., и на сей раз он с моей дочерью, которая тоже очарована им, и он очарован ею. Я в растерянности и отчаянии.

* * *

В первом сне женщины в красном – невольные виновницы потери своего сына и брата. Второй сон очень показателен в плане отношений между Женщиной в Красном и ее дочерями. Она соперничает с ними вместо того, чтобы уступить им место желанной женщины. Не зря утром ее огорошивает имя бабушки с фотографии – Лили (Лилит), одинокой и бездетной, вечно молодой и красивой.

Вот, пожалуй, ключевое и тонкое место в сюжете Лилит – она с большим трудом уступает свое место в ряду красавиц даже собственным дочерям, до седых волос соперничая с ними в привлекательности и отбивая у них мужчин – вовсе не для продолжения рода.

Женщина, которая вовремя расстается с этим архетипом, меняется не только внутренне, но и внешне. Имеющая дочерей на выданье (или сыновей для женитьбы), она, как правило, бывает «в теле», ее еще называют дородной (мы снова встречаем в этом слове основу «род»), она меньше украшает себя, меньше пользуется макияжем, в одежде использует более спокойные цвета, становится вообще более оседлой и домашней, хочет внуков – и получает их весьма скоро. Т.е. магически срабатывает момент передачи эстафеты женственности и плодородия в другие, более молодые руки.

Вот тут мы вернулись к месту о том, что природа берет свое, но в следующем поколении все же забирает. У Женщин в Красном дочери и сыновья нередко долгое время остаются бесплодными, продлевая юность своей матушки. Да и матушка долгое время не стремится стать бабушкой, собственно, боится этой перемены в жизни. А, став все же бабушкой по причине полной безнадежности и непонятливости своих детей, умудряется добиться от своих внуков обращения по имени, в зачатке пресекая малейшие попытки назвать иначе, и внуки запросто зовут ее Галей и Таней. Есть смысл упомянуть о Вечно Молодых мужчинах, которых внуки

также не имеют права назвать дедушкой. Возможно, что архетип Лилит на самом деле беспол или андрогинен.

В наше время женщине средних лет немодно быть дородной и плодородной, считается, что она начинает сильно проигрывать в сексуальном плане своим более молодым и резвым соперницам, но я бы не стала смешивать величавую дородность, происходящую от внутренней умиротворенности, и безобразную полноту от обжорства, непритязательность макияжа и одежды состоявшейся женщины и представление о «серой мыши». Женщина-Мать (Ева) может оставаться по-своему очень привлекательной, не побоявшись изменений, ведь эти изменения не заключаются только в «отвисших сиськах» и «поредевших волосах», женщина нередко расцветает именно во время беременности и после рождения ребенка, становясь особенно мягкой, женственной, таинственной. Спорить о том, какой лучше быть, наверное, бессмысленно, ведь это вопрос вкуса к жизни, а он у каждого свой. И можно иметь свои радости в каждом сюжете – и свободной Лилит и плодородной Евы, просто они будут разными. Обычно женщина постепенно эволюционирует от Лилит к Еве, потом к мудрецу Сенексу, как весна сменяется летом, а потом осенью и зимой, и это хорошо.

Бездетность после кровопролития

Из Священного Писания известно, что кровь Авеля, убиенного Каином, осквернила землю и сделала ее бесплодной. В каком-то смысле можно сказать, что Каин стал причиной первого аборта. И то знамение, которое Господь дал после этого Каину (Каинова печать), охраняло его самого от абортирования с лица земли, дало возможность оставить потомство. Правда, и эта мера помогла сравнительно ненадолго, не так много времени спустя на земле после потопа остались только потомки Ноя, предком которого являлся третий сын Адама и Евы, рожденный после Авеля и не принявший участия в сюжете кровопролития. Однако, что сделано, то сделано, и земля уже претерпела боль потери.

Считается, что у женщины, совершившей убийство своего первенца (если не так громко, она просто сходила на аборт, как все), очень часто развиваются воспалительные заболевания половой сферы, от чего нередко на многие годы наступает бесплодие. Все гинекологи об этом знают и предупреждают перед первым абортом молодых женщин. И мало кто связывает это с продолжающимся сценарием убийства, в котором новая жизнь или не зарождается или выкидывается в зачатке, а первый рожденный ребенок нередко вынашивается в условиях постоянной угрозы выкидыша и является, по сути дела, заслугой фармацевтов и акушеров.

Необходимое условие возникновения и развития новой жизни очень четко и символично отражено в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, о котором, к сожалению, лишь упомянул автор психобестселлера «Он» Р. А. Джонсон, взявший за основу психоаналитического разбора другого Персиваля – Кретьена де Труа. Парцифаль Вольфрама в отличие от героя Кретьена становится отцом двух сыновей, и автор показал условия, которые сделали это возможным. Само собой, что им дал детей бог, кроме того, супруги некоторое время спали вместе. Но этого мало. Парцифаль лишь единожды стал убийцей – Красного Рыцаря, приняв по праву победителя его красные доспехи, и это было до встречи с его женой Кондвирамур. В дальнейшем он побеждает противников, не убивая, а отправляет их служить королю Артуру, и это соответствует тому периоду, в котором далекая Кондвирамур становится матерью. Психологически ее Анимус, внутренний мужчина, в этом периоде был не агрессором, а защитником, использующим лишь необходимую меру самообороны. Традиционно всегда было принято беременную женщину ограждать от вида крови, насилия, и самой запрещалось осуществлять насилие.

Надо сказать, что в обеих версиях поисков Святого Грааля – и Кретьена и Вольфрама – есть общий и весьма существенный момент – каким образом мать Персиваля-Парцифаля сберегла его до наступления зрелости. Так как ее муж и отец ребенка погиб в превратностях рыцарской ратной жизни, она не показывала ему эту сторону бытия, воспитывая в отдалении от общества, а когда он решил уйти из дома, одела его в шутовской наряд, рассчитывая, что никто его не примет всерьез и не станет убивать. Так и произошло – шутовская одежда сберегла его и позволила добраться до двора короля Артура, и тогда оказалось, что свойства натуры имеют особенность проявиться рано или поздно, сын героя не может совсем не быть героем, и Парцифаль добывает себе оружие в бою.

Если подвести черту под этими сюжетами, то появляется образ некого путника-шута, человека дороги, пути, который не физически (как Герой), а мистически познает и осваивает мир, и такой способ освоения не мешает зарождению и росту новой жизни а, возможно даже, является необходимым для этого условием.

Возникает вопрос, что делать, если сюжет разрушения, убийства (дух убиенного младенца) продолжает витать над его участниками? Как услышать «игра закончена?» В православии аборты долго отмаливают и постятся, Берт Хеллингер и его последователи прибегают к семейным расстановкам, психодраматисты разыгрывают по ролям и т. д. и т. п. А мы смотрим картинки из древних книжек и наших снов. Не для того, чтобы напугать, а, чтобы, увидев

и прожив сюжет, завершить его. Однажды женщина, взглянув в зеркало доктора Юнга, может увидеть там образ плодородной Евы, которая всегда была в ней, как и в каждой другой женщине.

Бездетность, оперантно обусловленная

Он ей сказал, что, если она не родит ему ребенка, то он будет вынужден с ней расстаться. Они живут регулярной и интенсивной половой жизнью, они оба здоровы, а беременность все не наступает.

Нередкий вариант бездетности, подразумевает ценность не самих по себе отношений с женщиной, а конкретной и оговоренной выгоды для него: она должна сделать его отцом и этим снять с него заклятие тайной неполноценности. Статус мужчины-отца традиционно может уступать только статусу женщины-матери, и для многих эта ценность остается одной из ведущих в жизни.

Еще более частый вариант: супруги долгое время остаются бездетными, и обоими начинает владеть идефикс «мы не можем нормально жить без ребенка». Но как Священный Грааль или Китеж-град, вожделенный ребенок не становится от заклинаний более доступным. Врачам и психологам известна масса случаев, когда отчаявшиеся супруги или берут на воспитание приемного ребенка или воспитывают детей своих ближайших родственников, и… очень скоро у женщины появляется свой собственный ребенок, хотя у нее осталась одна-единственная, забитая спайками, маточная труба. Возникает впечатление, что организм в этом случае поступает с точностью до наоборот по отношению к осознанным желаниям людей, и дает им только тогда, когда они перестают просить, и это обусловлено некой программой, которую Булгаковский Азазелло в беседе с Маргаритой озвучил примерно так: «Не надо ни о чем просить, сами все знают, сами все дадут». И мы знаем, что Маргарита просила помиловать Фриду, убившую своего новорожденного младенца, а Мастера ей помиловал сам Воланд.

Затрудняюсь выстроить какой-либо алгоритм подобного антизаклинания, его можно просто иметь в виду, и только когда человек перестает полагать, что ему очень хорошо известно о том, что ему надо, он получает свой настоящий шанс. Вплоть до того, что в каждом микрорайоне непременно есть одна-две, а то и более, так называемых «кошатниц», бездетных или одиноких женщин, которые становятся настоящими мамами толпам бродячих кошек. Можно потешаться над этим сколько угодно, но кошки и кошатницы были, есть и будут.

Война или Мир? Валькирия поневоле

«Голод и чума, смерть и борьба,
Но прежде всего любовь —
Жизнь Терезы Батисты
В этой истории простой.
Пусть раковина твоя будет крепче,
Нежность твою верней сохраняя,
А нежность —
Совсем как воды поток:
Побеждает».
(Андре Бэй. Любите ли вы улиток?)

Этот очерк – развитие темы производительной силы Рода. Что еще может нарушить эту производительную силу? Оставим тему абортов и сексуального беспредела и обратимся к тем ситуациям, когда женщина (и часто ее мужчина) страстно хотят ребенка, но происходит либо выкидыш, либо замершая беременность, либо нарушение внутриутробного развития, либо травма ребенка в родах. Последние случаи всегда считались сугубо медицинскими и ответственность самой матери (и тем более ее семьи) за благополучные роды сводилась почти к нулю. А складывалась эта ответственность и продолжает складываться почти исключительно на акушеров с кривыми руками, и это не совсем справедливо по отношению к последним. Тем более, что женщины, родившие ребенка с травмой, нередко испытывают сильное и необъяснимое им самим чувство вины. Однако не о вине, а о беде пойдет рассказ. Потому что вина помогает только в самом начале – обозначить направление своих усилий, начать помогать ребенку расти и развиваться, как бы необычно и трудно это не происходило. Она, словно луна в ночи, освещает путь, по которому надо идти. А потом, сделав свое дело, должна уступить свое место иному светилу.

Среди множества семейных сюжетов вполне прослеживаются два основных потока: сюжеты, связанные с продолжением и развитием Рода, и сюжеты, связанные с угасанием Рода. Если речь идет об одной из ветвей большого Рода, то однажды эта ветвь с кого-то начинается, потом род множится, как растет крона дерева, а однажды может усохнуть, не оставив последнего наследника.

Известно, что люди подчиняются двум основным силам, которые увидел гениальным прозрением Фрейд: либидо (влечение к жизни, как это более широко стали понимать после Фрейда благодаря Юнгу) и мортидо (влечение к смерти). Назовем их по-русски: Война и Мир. Эти две силы незримо для нас определяют, что мы делаем для продолжения или угасания своей ветви Рода. И в этом процессе, возможно, в равной степени задействованы и мужчины и женщины. Боюсь, я не знаю, кому отдать здесь пальму первенства, но меня очень волнует женская роль в этих сюжетах.

Перед тем, как перейти к теме женщины-валькирии, надо увидеть Дом (Род) в ситуации Войны или Мира. На Войне всегда есть тыл, это и есть Дом, хранилище Рода. Если Война проникает в пределы Дома, Рода, она его разрушает. Это тривиально и всем знакомо. А женщина-мать становится воительницей. Вспомним Скарлетт О"Хара, главную героиню романа М. Митчелл «Унесенные ветром», застрелившую янки в собственном доме, и кого она смогла родить после этого – умственно отсталую Эмму и рано погибшую Бони. И это опять же не вина, а беда.

Есть в мировых мифологиях образ девы-воительницы. В Средиземноморской культуре это амазонки, в скандинавской – валькирии. К ним еще можно причислить богинь-девственниц – Афину (Минерву) и Артемиду. Они не имели обычной для женщин жизни, не выходили

замуж (по своей воле), не рожали детей, а посвящали себя делу войны или охоты, т.е. традиционно мужским занятиям. Гера тоже не осталась в стороне от этого не-Мирного сюжета. Безжалостно преследуя любовниц Зевса и прижитых от него детей, она и сама не слишком плодородна, родив Гебу (а это Вечная Юность), хромого Гефеста и жестокого бога войны Ареса.

Амазонки по преданиям выжигали себе одну грудь, чтобы она не мешала целиться из лука, валькирии, девы битвы, служили самому Одину, унося с поля битвы жизни отважнейших воинов, которые становились эйнхериями в Вальгалле – священным воинством асов-богов в час конца света – рагнарёка. Теоретически валькирия может стать расстригой и выйти замуж, но основной сюжет в древнескандинавской мифологии о валькирии Брюнхильд (она же Брунгильда) все-таки свидетельствует о большой трудности и даже провальности попытки валькирии обрести семью. Словно все обстоятельства неумолимо стекаются к ее одиночеству и гибели, а также – угасанию родов, с которыми она пытается связать свою судьбу. Брюнхильд, соприкоснувшись с родами Сигурда и Гуннара, невольно способствует их угасанию и гибели, погибнув сама. Естественно, что реальная живая женщина и архетип валькирии – далеко не одно и то же.

От литературных и мифологических персонажей обратимся теперь к некоторым известным ситуациям в жизни нашей страны, прежде чем подойдем вплотную к семье. Вот репортаж Анны Политковской из Новой Газеты от 11/07/2002.

«В Чечне новая «эпидемия»: массовая гибель младенцев прямо в материнских утробах.

…Грозный – проклятое место. И не только потому, что вот уже целое десятилетие подряд люди, тут живущие, боятся собственной тени. И даже не потому, что три последних года превратились в череду дней ожидания худшего из худших.

Нынешний Грозный – это Метерлинк наяву, город недорожденных детей. Врачи называют это «замершие плоды». Рос-рос младенчик в утробе – да и замер… Под угрозой увидеть мир собственными глазами?.. Вина этому явлению – война. Вечный стресс да вдрызг нарушенная экология, когда трупы так и лежат на дне тех водоемов, откуда надо пить и мыться…

– Очень быстро растет число замерших плодов, – падает усталой головой на припухшие натруженные руки доктор Любовь Дельмаева, заведующая гинекологическим отделением 9-й грозненской горбольницы. Она может уделить разговорам совсем немного времени: в Чечне дефицит врачей и профицит пациентов. – Носит-носит ребенка женщина, а потом – все, остановка развития, плод мертв. Надо его доставать как можно скорее, иначе…

…Доктор Дельмаева молчит, не хочет объяснять. Не принято: не по чеченским традициям. «Иначе» – это трагедия, состоящая из трех страшных слов: «она родить не сможет»…

– Исследований никто не ведет, в наших условиях это невозможно. Но мы понимаем, что причина – в многолетнем стрессе, поражающем всех, кто живет в Чечне, начиная с совсем маленьких девочек… Кто сейчас рожает? Те девочки, которые так и не узнали ничего, кроме войны. И вот мы наблюдаем: женский организм, если говорить о нем в целом, надорвался, он больше не может производить здоровое потомство… В результате первая проблема – замершие плоды. Вторая – внутриутробные уродства.

Гинекологическое отделение 9-й горбольницы – как военно-полевой госпиталь времен матриархата. Будто армии с двух сторон состоят только из женщин – так их тут много.

– Наше отделение – на 45 мест. Сейчас тут 62 человека, – говорит доктор Дельмаева. – 54 процента всех пациентов, поступивших в 9-ю горбольницу, – наши. Женская патология в Чечне перекрывает число раненых и подорвавшихся на минах».

Коль скоро речь зашла о Чечне и событиях в этом крохотном локусе, который еще недавно был охвачен войной, логично обратить внимание на события более поздние, но имеющие несомненную связь с только что описанными.

Журналист и историк Ю. Латынина в своей программе «Код доступа» от 24 декабря 2005 г. комментирует события в Чечне, относящиеся к осени 2005 года, когда в Шелковском районе началась странная эпидемия, почти на 100% охватившая девочек пубертатного возраста и молодых женщин. Пострадавшие испытывали приступы затрудненного дыхания и бились в судорогах. Эпидемия охватила более 80 человек.

«Я уже упоминала несколько случаев в мировой истории, которые почти дословно совпадают с тем, что сейчас происходит в Чечне. Два самых известных – это то, что случилось в Лувянском монастыре во Франции. Это процесс Урбана Грандье, когда несколько молодых монахинь этого монастыря, видимо влюбленных в этого священника Грандье, стали биться в истерике. Ришелье прислал туда своих эмиссаров, как только стали обращать внимание на эти припадки, женщины повально начали валиться в истерике, у них была падучая, у них пена шла изо рта. Они обвиняли беднягу Грандье, что они одержимы из-за того, что Грандье наслал на них порчу. В конце концов, несчастного повесили. Просто клинические симптомы того, что происходило с этими монахинями, совпадают с тем, что происходило с девочками в Чечне. Еще более известная история – это процесс Салемских ведьм. Это тоже история, когда в очень маленьком американском городке, который жил очень непростой жизнью, который раздирался, в том числе, религиозными противоречиями, завелось несколько девочек, которые сначала бились в падучей, потом начали рассказывать, что на них навели порчу те и те жительницы Салема, с которыми они, видимо, первоначально сводили счеты. Очень интересно, что периодически сейчас историки, когда говорят о салемских процессах, а там было казнено несколько десятков человек, почти 200 было задержано, тоже говорят, что, возможно, это было частично отравление, отравление хлебной муки спорыньей, приведшей к галлюцинациям. Но большинство людей все-таки говорит о том, что это было связано с психологической атмосферой в Салеме, и те самые приступы кашля и конвульсии, которые начинались у каждой девочки, когда в их присутствии появлялась женщина, обвиняемая ими в колдовстве, они опять же дословно совпадают с чеченскими симптомами.

Псевдоастматический синдром – частое явление у людей, страдающих депрессией или переживших тяжелую психическую травму. Массовые вспышки псевдоастматического синдрома не раз наблюдались среди населения районов, переживших природные или спровоцированные человеком катастрофы: в армянских городах Спитаке и Ленинакане, разрушенных страшным землетрясением 1988 года, в США после терактов 11 сентября. Чаще всего от этого заболевания истерического характера страдают женщины, отличающиеся большей, по сравнению с мужчинами, психической лабильностью.

Предположения о сугубо психическом характере поразившей Чечню болезни придерживается большая часть чеченских врачей, непосредственно наблюдавших больных. По словам Таисии Мирзоевой, при содержании в одной палате приступ, начинающийся у одной из пациенток, немедленно повторяется у ее соседок, при этом содержание в разных палатах существенно облегчает положение больных. Кроме того, по наблюдениям врачей, общение с психологами помогает больным гораздо лучше, чем направленная на нейтрализацию симптомов болезни медикаментозная терапия.

Без всякого сомнения, реальных причин для заболеваний психогенного характера более чем достаточно в разоренной и разрушенной бесконечной войной республике».

Мы увидели, что женская истерия тесно связана со смертью, она идет с ней словно бы рука об руку. Древние греки под истерией имели в виду блуждающую матку («гистера» – матка). Вот метафора: блуждающая, неприкаянная матка, которая вместо того, чтобы находиться на своем месте, быть Домом, Очагом, фактором стабильности, вынашивать дитя, выходит на большую Дорогу, на тропу Войны и приносит неисчислимые беды ее хозяйке и тем,

кто с ней связан. Салемские девочки и монахини невольно вызвали смерть, которая унесла множество жизней.

К счастью, на сей раз болезнь чеченских девочек не повлекла за собой карательных мероприятий. Может, у нас все-таки, какая-никакая, цивилизация. Да и война в Чечне закончилась и началась мирная жизнь. Видно, однако, что в ситуации войны наиболее уязвима прокреативная сфера, т.е. женщины, в чьих лонах заключена возможность продолжения рода.

Продолжим поиск маркеров Войны и Смерти – на форуме Интернет-сайта «7ya.ru»

На тему своей замершей беременности пишут десятки женщин, у некоторых из них две и три подряд, иные отчаялись и не видят дальнейшего смысла жизни, другие продолжают надеяться или бороться. Вот только две выдержки из множества подобных писем.

*«Вернулись из отпуска и как говориться **снова в бой**! В конце августа 2004г. тест показал 2 яркие полоски».*

*«Б. первая и желанная. Готовились заранее. Около 2х лет **ушло на борьбу с мельницами**».*

Любому ясно, что у всех женщин самое сильное и искреннее желание – стать матерью, но что-то этому мешает. Пока обратим внимание, что за ребенка надо БОРОТЬСЯ, это слово из обихода битвы, Войны, а, значит, вероятного разрушения снова и снова.

И вот, наконец, исследования психолога, опубликованные на сайте – http://www.sunhome.ru/journal/16232 (Дом солнца).

«Беременность для современной женщины перестала быть обычным делом, а превратилась в событие из ряда вон выходящее, которое сопровождается болезнями и психологическими кризисами. Что мешает современным женщинам адаптироваться к состоянию, к которому они предназначены самой природой?

Неутешительно, но факт: за последнее десятилетие число женщин, вынужденных проводить свою беременность в больничной палате, увеличилось на 15%. По медицинским показателям они практически здоровы. Если причины осложненной беременности медицина установить не может, тогда на помощь приходит психология.

Кандидат психологических наук из Института психологии РАН Лариса Рудина решила выяснить факторы риска и протестировала 400 беременных женщин в возрасте от 20 до 35 лет. У всех у них отсутствовали серьезные заболевания, не было сильных стрессов, они проживали в экологически благополучных районах столицы, в полных и относительно благополучных семьях и желали родить ребенка. Однако, несмотря на отсутствие неблагоприятных факторов, 300 из них стали пациентками отделения патологии московского роддома из-за осложненного течения беременности.

Для сравнения были также протестированы 100 женщин, наблюдавшихся в женских консультациях г. Москвы, которые не испытывали проблем с беременностью и родили здоровых детей.

Так каковы же факторы риска для беременных?

Один из самых главных – «семейное наследие». На каждую женщину была составлена генограмма, родословная семьи, которая содержала информацию о предках, по крайней мере, в трех поколениях. В ней были зафиксированы характер отношений между родственниками разных поколений, самые значительные события в жизни семьи. Наиболее опасными для самочувствия беременных женщин оказались затяжные конфликты по материнской линии, а также напряженные отношения с матерью. Существование таких проблем признали прак-

тически все самые тяжелые пациентки отделения патологии. Пагубно сказывались на здоровье будущей мамы и давние ошибки родителей в воспитании, например, их резкая критика ее поступков в детстве. Чувство обиды на родственников, жалобы на несправедливость, недостаток внимания с их стороны оказались чреваты угрозой выкидыша, эндокринными нарушениями, задержками в развитии плода. «Все меня обижают, я достойна лучшего отношения» – такая роль жертвы для будущей матери оказалась абсолютно непродуктивной и вредной для здоровья. Выяснилось, что соматические заболевания сопутствуют и тем женщинам, у которых произошел разрыв связей с семьей, они остались в одиночестве и испытывали отчужденность к родным».

Мы видим и здесь сюжет Войны внутри Дома – конфликты по материнской линии и с самой матерью, нетерпимость к недостаткам ребенка и его привычная роль Жертвы.

Добавлю к этому множество случаев из своей практики, когда в личностных характеристиках мам, рожавших детей с серьезными травмами, четко присутствовали паттерны и Насильника и Жертвы. Славные симпатичные женщины по старой детской привычке всю свою «сознательную» жизнь посвящали борьбе за свои права. И вообще борьбе, даже когда вполне можно было расслабиться. Эти сюжеты сопровождают специфические сны и поведение в игровых ситуациях.

Вот один из типичных снов. Молодая женщина в течение двух лет видела повторяющееся сновидение о том, как акула или собака кусают ее за руки и за ноги. Сны прекратились, когда она родила недоношенного мальчика с серьезной травмой и нарушениями в двигательной сфере. Ее старшая девочка в игре, имитирующей прохождение по родовому каналу, делала движения руками, напоминающие укусы клешней. Сама мама в детстве хотела стать хирургом, а стала бухгалтером, так и не открыв шлюзы своей подавленной природной агрессивности. Профессиональный выбор вообще очень важен, он может прекрасно социализировать самые сложные изгибы наших врожденных особенностей. Есть люди, которые не могут жить без ситуаций стресса, риска, разрушения. В судьбоанализе Леопольда Сонди это врожденно подчеркнутые потребности в активности (Насильники) или пассивности (Жертвы) в векторе сексуального влечения и акцентированный вектор пароксизмального влечения к интенсивным эмоциональным разрядам.

Конечно, девочке сказать своим родителям о том, что ей нравится резать лягушек и смотреть, что у них внутри, может быть сложно, лучше, если сами родители догадываются об этом. На это может не решиться даже мальчик, и вместо того, чтобы стать хорошим и полезным хирургом, дантистом или каскадером, он становится начальником производства. Куда же девается его нож? Он ведет на аборт свою жену, с которой собирается развестись, и убивает их ребенка. Верно выбранная профессия как бы отводит сюжет Войны от Дома, вовне его.

Но что говорить о выборе профессии, когда в нашей культуре во множестве семей главенствующую позицию занимает милая, но по большому счету властная женщина, проповедующая миролюбие и запрещающая сыну агрессивные игры и мультики. И, поскольку ценности мирной жизни привносятся в жизнь ребенка насильственным образом, они становятся лишь фасадом его личности, а внутри царит все та же Война, еще более опасная тем, что она партизанская. Стоит задуматься над тем, что вряд ли насилие психологическое, особенно, духовное, краше и достойнее физического.

Кроме генетического фактора сюжета насилия другой ведущей причиной является психическая зараженность Дома сюжетом Войны, привычкой враждовать, переходящей по наследству – от мамы к дочке, в более широком плане – от родителей к детям. Наиболее типичная динамика, может, она даже единственная, состоит в том, что ребенок в детстве терзаем страхами (которые вольно или невольно индуцируют родители), потом эти страхи проходят лич-

ностное конвертирование и оборачиваются героическим сюжетом борьбы с источниками страхов. Известно, что тот, кто слишком долго борется с драконами, сам становится драконом.

Если будущая мама вовремя обнаруживает в себе этот сюжет, может увидеть его как будто со стороны, то есть шанс, что она вовремя отыграет его в безопасной форме на психотерапевтической группе и (или) найдет социально востребованные пути его реализации. Ведь работают же женщины милиционерами и патологоанатомами, при этом прекрасно детей рожают и растят. И тогда обнаружит в своей собственной душе еще и другие сюжеты, например, созидания, плодородия, познания.

Как происходит смена ведущего сюжета, хорошо видно на примере детей, которых родители приводят к психологу с проблемами агрессивности. Если приводят не позднее 4—5 лет, то динамика бывает очень быстрая – в течение нескольких месяцев. Имеются в виду случаи, когда ребенок охотно отождествляет себя со страшными динозаврами или какими-то кошмарными киборгами с чужих планет. Он любит ходить в группе детсада на четвереньках, рычать и на всех кидаться. Это пугает воспитателей и даже других детей. На детско-родительской игровой группе психолог и родители договариваются, что ребенок имеет право чувствовать себя тем, кем он чувствует, и реагировать на него нужно соответственно, но в обиду себя не давать. Вроде как дать достойный бой, раз уж клиент на него напрашивается. И месяца два в игровой детско-родительской группе пребывают очень хищные динозавры, которые и по-человечески почти не говорят. Проходит время…

Как-то через год-другой я встретила родителей одного из этих ребят и спросила, как дела у их динозавра. Они удивились и едва вспомнили, что был такой эпизод в жизни. Сейчас, мол, бывший динозавр успешно учится в первом классе, а в свободное от учебы время с удовольствием помогает нянчить сестренку.

Конечно, со взрослыми все гораздо сложнее, но и их терапия сводится практически к возвращению в какую-то светлую область детства, где все только начиналось (можно сказать, в позицию Зародыша). Это не обязательно реальное место, но когда-то любимое: Зачарованное Место Винни-Пуха и Кристофера Робина, домик Карлсона, который, как и прежде, живет на крыше, чудо-дерево, на котором висят сапожки-сандалики или плюшки-ватрушки, дорога из желтого кирпича, земляничное окошко Р. Брэдбери, через которое так весело смотреть на мир… Да мало ли.

Работа с сюжетами жизни возможна в самых разных направлениях психотерапии, школах и техниках. В сказкотерапии это может быть живая работа в группе или сочинение «этюдов для беглости пальцев» (по выражению сказочницы Нины Инсаровой) – когда освобожденное и отпущенное на свободу воображение имеет один инструмент – клавиатуру компьютера или просто ручку с листами бумаги. И на эту бумагу или экран дисплея льются сначала черные ужасы, потом коричневые страсти-мордасти, потом красные триллеры, потом… Точно неизвестно, что потом, но достоверно, что за литературу в жанре ужасов очень хорошо платят издатели (конечно, она должна быть талантливой). Она неизменно востребована на читательском рынке, ее сюжетов ждут миллионы зрителей, терзаемых страхами, обидами, подавленной агрессией. Они приходят в кинозалы, чтобы исцелиться сопереживанием и очищением.

Можно ли обойтись без терапии? Многие (по секрету скажем – большинство) без этого обходятся. Это случаи, когда человек способен учиться на своих ошибках, на своем опыте, и с уважением относиться к собственному внутреннему голосу, и если перенесенная душевная травма соответствовала прививочной дозе. Ведь душевные травмы в детстве получают все, и они нужны, потому что действуют подобно прививке для совладания с большим Злом. Но бывает и слишком большая травма, которая приводит, по сути дела, к душевной инвалидности, тогда бывает нужда в длительной терапии и реабилитации. Как и в обычной травматологии.

Тогда, возможно, постепенно удастся вывести Войну с ее Эриниями-мстительницами за пределы сердцевины души и смысла жизни, выделить глубокий тыл, хранилище жизни. И подписать где-то внутри себя пакт о ненападении, о дипломатических и торговых отношениях между папиной и маминой частью, между собой и внутренней проекцией мамы, между проекцией мамы и своим мужем. Договориться о том, как вместе будем рожать и растить ребенка, потом путешествовать с ним по всем нашим личным странам. Или не рожать (бог с ним), а просто пожить попробовать, насладиться чистым и мирным небом в своем Внутреннем Мире, в своем Доме, в своей Семье.

Из Симферополя в Запорожье. Инфернальная блондинка Настя
(из дневника Squaira, #дорожные_заметки #семья)

В Симферополе села в ночной вагон и тут же провалилась в сон. Проснулась опять же ночью от какого-то шума и возни. Почему-то в пробуждающемся сознании мелькали слова «инфернальная блондинка Настя». Окончательно пробудившись, я увидела перед собой Настю. Она сидела на нижней полке того же отсека плацкартного вагона, где сбоку внизу лежала я. Настя тихо и настойчиво переругивалась с длинным парнем, чья маленькая головка и стянутые сзади в жидкий хвостик волосы вызывали богемно-библейские ассоциации. Парень сосредоточенно надувался пивом и иногда отзывался на имя Саша. Настя монотонно посылала его на верхнюю полку, Саша не шел туда. Настя хрипло кашляла и продолжала его грызть, на что Саша отреагировал своеобразно, удалившись в тамбур и взяв, видимо, для разнообразия бутылку портвейна. Инфернальная Настя угрюмо уставилась в черное окно, очевидно, потеряв вкус к жизни. Страстотерпец Саша не то расширял свое сознание, не то обретал в тамбуре смирение в обществе портвейна.

Мое следующее пробуждение сопровождалось терпеливым и многократно повторяемым увещеванием Саши: «Достань капли». Он, как видно, проявлял заботу о заболевшей подруге. Она с ненавистью продолжала посылать его на верхнюю полку. Он упирался и продолжал настаивать на каплях. Инфернальную блондинку пёрло и колбасило по экспоненте – она пустила в ход более сильные аргументы и стала дубасить Сашу, на что он отвечал вялыми колотушками. Стойкая Настя не соглашалась ни на одно из предложений Саши по мирному урегулированию конфликта. По-видимому, алгоритм семейного досуга был давно отработан. В конце концов разъяренная Настя стала пинать спутника ногами. Саша долетел почти до меня. На мгновение захотелось вмешаться и прекратить безобразие, но еще больше хотелось досмотреть до конца этот раунд. Поэтому я не стала проявлять признаков жизни. Остальные соседи то ли действительно спали, то ли, как я, тоже смотрели «кино». Настя тем временем куда-то вышла и Саша, оглянувшись, быстро схватил пивную бутылку и страстно присосался к ней. Я совсем не против расширения сосудов и сознания, но такое безобразное отношение к своему организму вызвало сочувствие к терпеливому супругу инфернальной дамы.

Наконец часам к пяти утра после долгого шипения и колотушек, зажатая в угол Сашей, Настя все же улеглась на нижней полке, а страстотерпец Саша вознесся на верхнюю. Поучительная семейная сцена закончилась. О, Саша, усвой простую истину: что женщина задумала, то и будет. Я горжусь нашими женщинами. И вообще славные ребята эти Настя и Саша, но не дай бог какому-нибудь чаду зародиться в буйном лоне этой семейки. Конечно, всегда остается в запасе вариант исчадия.

Я дописывала свой полевой очерк о Насте и Саше, пока в вагоне воцарялась тишина. За окном в чистом утреннем небе нежными красками расцветала заря, сделав почти прекрасным только что оскаленное Настино лицо. На столе в бутылке плескалось и воняло недопитое Сашей пиво. А мне пора было выходить в Запорожье с большого недосыпа, но зато с репортерскими трофеями.

Насильники и их Жертвы

«Наверное, я подозревала это с первого дня: мы с Рейно связаны, мы уравновешиваем друг друга, и без него мне здесь нечего делать.

Так или иначе, городок утолил свою нужду; я улавливаю его довольство, его сытость, и мне тут места нет».
(Джоан Хэррис «Шоколад»)

«Важной чертой психических образов является то, что они имеют двусторонний характер или по крайней мере способны к удваиванию; при любых обстоятельствах они биполярны и колеблются между их позитивным и негативным значениями».
(К.Г.Юнг «Душа и миф. Шесть архетипов»)

Жены Шарикова
(из дневника Squaira, #семья)

Пару лет тому назад я как-то лежала в челюстно-лицевой хирургии с абсцессом щеки. Эта штука появляется у меня примерно раз в год после каких-нибудь стрессов с приступами сильного гнева. А как, скажите мне, не гневаться, если у тебя это в крови вместе с повышенным сахаром? Но не об этом рассказ. Хотя как сказать.

В палате лежали две молодые и очень миловидные женщины с подвязанными и перебинтованными нижними челюстями. Скоро выяснилось, что их так побили мужья. И в этом отделении всегда много таким образом побитых дам. Один из мужей – бывший боксер. Хук слева – и у маленькой жены (совсем из другой весовой категории) в нескольких местах раздроблена челюсть и нет половины зубов. Она (Лида), едва ворочая языком, сказала, что все они жены Шарикова и показала на белую свою повязку и, правда, похожую на ту, в которой в известном фильме по рассказу М. Булгакова некто Шариков ходил после операции. Меня, конечно, поразило то, что женщина в своей грустной ситуации сохранила хоть какое-то чувство юмора.

Вторую, Катю, муж всю жизнь ревновал, а под горячую руку и под парами мог и ударить. Повода она, вроде, не давала, но так ведь это с ее слов. Хотя, интересно, что работала она мужским мастером в парикмахерской. А много ли поводов надо ревнивцу? Сам он был младшим из двух сыновей. Отец пил и всю жизнь жестоко бил мать. Старший его брат, став взрослым, однажды не выдержал и в ответ ударил отца. Насмерть. За что и сел, конечно, как положено. А этот все видел. Остался после всего за старшего в семье, а, заодно, и в уличной компании. Сам-то он всегда был душа-парень, щедрый и гостеприимный, любой мог его о помощи попросить – наизнанку готов был вывернуться, но сделать все для друга. Звали его за это в компании Батей – уважительно и любовно.

И вот что получается – свою мать когда-то жалел, а тут на любимую женщину, мать своих детей, руку жестоко, как отец, поднял.

Конечно, обе – и Лида и Катя в один голос говорили, что все, теперь развод, и ни о какой совместной жизни больше нечего и думать. По Кате видно, так и сделает, а Лида, может, отойдет и вернется к своему боксеру. И что же это за мода пошла – разбивать такую красоту, а потом платить бешеные деньги хирургам, чтобы из осколков снова собирать женам челюсти? А отношения как из осколков собрать? И как хорошие, в общем-то, ребята доходят до такого в своей семье, которую они защищать должны? Это похоже на то, как наша, молодая еще, собака Рони начала кур таскать и есть – тоже наших. Клаус ее побил в назидание и в отчаянии кричал:

«Ты их охранять должна, а ты их ешь!» Короче, вопросов больше, чем можно выдержать. Да, в конце еще один – сколько жен Шарикова лежало в одной палате? Ведь и я недалеко ушла от Лиды и Кати…

* * *

Тема и профилактика домашнего насилия занимает отдельные специальные разделы в деятельности и государственных учреждений и благотворительных фондов. Разработаны стратегии поведения женщин, помогающие им защищаться от спятивших домашних насильников. Но наша задача – попробовать понять психологию Насильника и его Жертвы, почему они непременно находят друг друга, могут ли они стать кем-то другим или обречены вечно тянуть лямку в своем сюжете. Как и прежде, это удобно сделать через изучение литературных архетипов.

Наш физический мир – мир зеркальной симметрии, в нем есть правая и левая сторона, в нем все может быть отражено в зеркале, все явлении этого мира есть палка о двух концах или ящик с двойным дном. Так и психические образы стойко существуют в виде дуэтов. Герой немыслим без соответствующего чудовища, мудрец без ученика, мать без ребенка, жертва без насильника, а спаситель без жертвы. Их существование само по себе, в силу заложенного в их мифологему смысла, притягивает дополняющий образ, персонаж, реального человека.

В этом очерке представлена попытка рассмотрения дуэта Насильника и Жертвы, а затем дуэт Жертвы и Спасителя в мифологиях и литературных произведениях разных времен, дополненная этнопсихологическими исследованиями и теорией и практикой судьбоанализа Л. Сонди, учением о ведущих врожденных векторах влечений-потребностей человека.

Сначала возникает вопрос, есть ли какой-то специфический врожденный вектор, свойственный насильникам и жертвам? Кажется, что ответ лежит на поверхности. Вероятно, это садомазохизм, классический пример насилия. И все же определимся сначала с понятием насилия. В словаре Ожегова предлагается следующее определение. Во-первых, это применение физической силы к кому-либо, во-вторых, принудительное воздействие на кого-нибудь, в т.ч. моральное насилие. В словаре Даля находим следующее. *«Насилие и насильство ср. то же, принужденье, неволя, нужа, силованье; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное. Насильный, насильственный, невольный, принужденный; силком, силою добытой, сделанный».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.